

18+

СЕРГЕЙ ИЗУГРФОВ

Смерть на Кикладах

СБОРНИК ДЕТЕКТИВОВ №4

Сергей Изуграфов
Смерть на Кикладах.
Сборник детективов №4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39410888

ISBN 9785449373601

Аннотация

Алекс Смолев переезжает из Санкт-Петербурга на греческий остров Наксос. Загадочные убийства постояльцев виллы и жителей острова заставляют Смолева принять активное участие в расследовании преступлений. Ему помогают его друзья, работники виллы, инспектор уголовной полиции острова и даже Бюро Интерпола в Греции. И вот снова очередное преступление ставит полицию в тупик... В сборник вошли повесть «Со смертью наперегонки» и роман «Забывтый демон».

Содержание

СО СМЕРТЬЮ НАПЕРЕГОНКИ	5
Пролог	7
Часть первая	21
Часть вторая	43
Часть третья	63
Часть четвертая	77
Часть пятая	92
Часть шестая	107
Часть седьмая	125
Часть восьмая	148
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Смерть на Кикладах

Сборник детективов №4

Сергей Изуграфов

*Пусть чередуются весь век
Счастливый рок и рок несчастный.
В неумоимости всечасной
Себя находит человек!
«Фауст», Гете*

© Сергей Изуграфов, 2020

ISBN 978-5-4493-7360-1 (т. 4)

ISBN 978-5-4493-7361-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СО СМЕРТЬЮ НАПЕРЕГОНКИ

*Тот падает, кто мчится во всю прыть.
Вильям Шекспир*

Пролог

Чтобы что-то произошло, нужна цепь совпадений, иногда случайных, иногда не совсем. Каждая встреча, поступок и слово имеют предпосылки и последствия, влекут за собой новые, эхом отражаются в жизни других и в твоей собственной.

Сесилия Ахерн, «Время моей жизни»

В порт Хоры Наксоса – столицы крупнейшего острова Кикладского архипелага, рассекая гладь бухты мощным корпусом, вспенивая прозрачную воду и осторожно замедляя ход, входил большой паром, раскрашенный в привычные для Греции цвета: ярко-синий – по всему борту, от красной ватерлинии и до первой пассажирской палубы, затем белоснежный – до полосы иллюминаторов, очерченной тем же синим цветом, и выше уровня кают, включая все палубы и палубные надстройки, – вновь белый. На этом слепящем белом фоне верхней палубы неожиданно ярким солнечным пятном выделялась пятиметровая труба конической формы.

Выкрашенная в желтый цвет с огромными синими звездами с обеих сторон конуса, напоминавшего очертаниями тугой парус, наполненный ветром, труба гордо возвышалась над судном и была видна издалека. Казалось, что именно он, этот «парус», а вовсе не винт, оставлявший в воде белый

вспененный след, и тянет вперед огромную махину парома.

Многие островитяне высыпали из кафе и таверн на берег поглазеть на происходящее: в главный порт Наксоса медленно, но уверенно входил красавец корабль, гордый представитель компании «Blue Star Ferries»¹, большой и надежный трудяга, много лет перевозящий из афинского порта Пирей на острова не только пассажиров, но и транспорт на своей нижней грузовой палубе.

На молу и на пристани было заметно людское оживление.

¹ «Паромы компании «Голубая Звезда» – (англ.) прим. автора

Ближе к причалу дружно потянулись встречающие – представители небольших вилл. Держа в руках таблички с названиями своих гостиниц и апартаментов, они готовились встретить дорогих гостей: все-таки кризис еще никто не отменил, и каждый гость по-прежнему – и в буквальном, и в переносном смысле слова – оставался на вес золота.

В задачу встречающих входит помочь туристам добратся до места отдыха: поднести багаж и показать дорогу, если вилла была в шаговой доступности, или подвезти на машине, оставленной с предусмотрительно включенным на полную мощность кондиционером на тенистой стоянке в ста метрах от причала. Туристы, в свою очередь, высоко ценят такое проявление островного гостеприимства, тем более, что часто услуга уже включена в стоимость проживания, и доплачивать дополнительно за нее не нужно.

Вместе с паромами на остров приходит поток туристов, а значит – и оживление в торговле, и надежда на заработок, а с ним – и на достойное завершение сезона: осень уже стояла на пороге, шли последние дни сентября. Очень скоро, не пройдет и недели, в октябре температура понизится до двадцати трех градусов по Цельсию, сравнявшись с температурой воды, и на острове начнется бархатный сезон. Есть, конечно, ценители и на него, особенно с далекого севера, но Наксос никогда не был меккой для туристов, эта честь и привилегия всегда принадлежали соседнему Паросу. Приедут ли туристы? Вот вопрос! Кризис ведь сейчас не только

в Греции...

Путь у парома «Blue Star» из Пирея на Наксос занял почти восемь часов, вдвое больше, чем потребовалось бы стремительным пассажирским катамаранам «Hellenic Seaways»², с огромной белой надписью «Vodafone» на ярко-красном борту, но у пассажиров парома вряд ли было время сильно заскучать: на комфортабельном корабле они с удовольствием проводили время и в салонах отдыха, и в каютах, и в кафе на палубе, расслабленно глаза по сторонам, наслаждаясь морскими видами, свежим воздухом, солнцем, прохладительными напитками из корабельного бара и предвкушая свой отдых на одном из прекраснейших греческих островов.

Привычная для экипажа судна процедура разгрузки не продлилась и полчаса.

Люди потоком дружно покидали паром, катя за собой свои разноцветные сумки и чемоданы, несколько растерянно крутя головами по сторонам в поисках встречающих и шурясь от яркого островного солнца после мягкого полумрака пассажирского салона.

Машины, прибывшие на остров с материка, помедлив, осторожно выезжали из недр корабля на асфальт пристани по специальному грузовому трапу, отливавшему на солнце блестящим металлом, словно по подъемному мосту, перекинутому на мощных цепях через крепостной ров у ворот старинного французского замка.

² «Греческие морские перевозки» – (англ.) – прим. автора

Это сравнение невольно пришло в голову женщине лет тридцати, с копной ярко-рыжих волос, в элегантном белоснежном костюме, стоявшей у причала с табличкой «Villa Afrodita» и внимательно наблюдавшей за происходящей разгрузкой «Голубой Звезды».

Первые пассажиры, преимущественно мужского пола, сошедшие с парома, проходя мимо нее, сбивались с шага и окидывали ее с головы до ног удивленно-восхищенными взглядами.

Водитель одного из выехавших с парома автомобилей – по всему, грек с материка – даже присвистнул от восторга и просигналил, но, не встретив ответной реакции, разочарованно зацокал языком, покачал головой и дал по газам.

Женщина не повела бровью.

Управляющая виллой «Афродита» Софья Аристарховна Ковалевская, для друзей – Рыжая Соня, давно привыкла, что на нее обращают внимание. Высокая, спортивного вида, привлекательной наружности – в ее тридцать три ей упорно давали на пять лет меньше. Ее можно было бы даже назвать красивой, если бы не широкие скифские скулы и слегка раскосые рысьи глаза, не излишняя мускулистость обнаженных рук – результат интенсивных ежедневных занятий японскими боевыми искусствами с раннего детства – и по-мужски жесткие и уверенные движения.

Впрочем, у всех свои эталоны красоты, а то, что Рыжая – как коротко называл ее хозяин виллы «Афродита», друг

и партнер по Кендо Алекс Смолев – была эффектна и часто, не желая того, привлекала мужское внимание, было бесспорно. Впрочем, чрезмерно буйных и не к месту настойчивых она умела привести в чувство очень быстро. На острове это стало известно довольно скоро, всего каких-то два-три мелких инцидента, – и девушку оставили в покое.

Тем более что ее сердце уже было занято. Занято с того самого момента, когда она, приехав из Санкт-Петербурга по приглашению владельца, впервые поднялась по ступенькам виллы «Афродита» на верхнюю террасу, а из дверей кухни вышел познакомиться с новой управляющей повар Петрос – высокий, широкоплечий грек с теплыми, карими, по-детски добрыми глазами и немного застенчивой улыбкой, – вышел и застыл, вытирая крепкие руки полотенцем, не в силах сказать ни слова и растерявшись, как мальчишка...

Петроса Папаскириса на острове знали очень хорошо. Он был известен не только как потрясающе талантливый повар, – его фаршированные кальмары на гриле давно стали легендой, – но и как человек очень крепкий физически.

Никто не захотел бы разгневать повара, играючи в одиночку справлявшегося с огромными котлами и вертелами, на которых порой – особенно в пасхальную неделю – жарилось одновременно по несколько барашков.

Разъяренный повар-грек недюжинной силы с острым вертелом в руках – только сумасшедший решил бы испытать свою судьбу, хоть словом, хоть полунеадекватно обидав ино-

странку из далекой северной страны. Петросу стоило лишь поднять бровь, услышав в таверне имя своей невесты в разговорах, – и собеседники быстро переходили на другую тему. Они с Соней нашли друг друга, и теперь весь остров ждал одного: свадьбы!

Но поздняя осень – традиционное время свадеб на острове – еще не наступила, и надо было думать о выполнении обязанностей управляющей.

Софья оглянулась: Костас, жених Катерины, старшего администратора виллы «Афродита», вызвавшийся к ней в добровольные помощники, – гостей проводить, помочь с багажом, договориться с таксистами, если потребуется, – тотчас вскочил с нагретого камня, где сидел с мечтательным видом, и подошел к ней.

– Идут, – по-английски проговорила молодая женщина, кивая на приближающийся основной поток прибывших с парома людей. – Возьми табличку, а я пока сверюсь со списком. Насколько я помню, у нас должно быть двенадцать человек!

– Ого! – воскликнул Костас, весело приплясывая на месте от нетерпения. – Так много с одного парома? Повезло! Откуда?

– В том то и дело: они все наши с Алексом соотечественники. Более того – земляки, из Санкт-Петербурга! – ответила Софья, листая свою записную книжку в черном кожаном переплете и говоря уже больше сама с собой, чем с молодым греком. – Да, двенадцать, точно. Катерина уже должна была

подготовить номера. Три семейные пары, трое мужчин в общий номер, отдадим им десятый, раз они настаивали, что хотят остановиться вместе, и еще три отдельных номера по одному жильцу, двое мужчин и одна женщина. Что ж, группа большая, ты их видишь, Костас?

– Пока нет, – сказал грек, отрицательно помотав головой. – Может быть, они еще не вышли?

– Ты постой, – обратилась к нему Софья, – посмотри внимательно, я отойду в тень и напишу Алексу.

Она отошла в тень старого платана с развесистой кроной, здесь экран ее смартфона не бликовал на ярком солнце.

От быстро редющей толпы прибывших отделилась небольшая группа в пять человек и медленно приблизилась к встречающим, ориентируясь по табличке, на которой ярко-красным цветом отливало название виллы: «Afrodita».

Группа состояла из четырех женщин разных возрастов в ярких нарядах и модных широкополых шляпах, их сопровождал мужчина невысокого роста, с несколько желчным и усталым выражением худого лица.

– Мы, «Афродита» – это мы! – несколько запыхавшись, сказала одна из подошедших женщин по-русски, первой приблизившись к Костасу и сердечно ему улыбаясь. – Здравствуйте! Какой хорошенький! А за-а-горе-елый какой! Как тебя зовут, красавчик?

Молодой грек, не понимая ни слова, сверкнул в ответ блондинке белозубой улыбкой.

– Господи, Ирка, уймись! – буркнула, подойдя ближе, одна из ее подруг.

Это была брюнетка того самого неопределенного возраста, где-то между тридцатью тремя и тридцатью пятью, в котором особо одаренные женщины умудряются прожить не менее пятнадцати чудесных лет. Лицо ее было наполовину скрыто огромными темными очками в черепаховой оправе.

– Мальчик ведь еще совсем... Петька тебя не видит, снова ведь схлопочешь! Мало в Афинах он тебе мозг проедал из-за того бармена? Добро еще, было бы там хоть что-то путное... И не понимает этот мальчик по-русски ни бельмеса, так что зря стараешься.

– И ты опять все напутала: «Афродита» – это они, а не мы, – рассудительно добавила третья женщина, стройная шатенка в широкополой шляпе, но без очков, с цепким внимательным взглядом темно-серых глаз. – И еще говорили, что нас будет встречать управляющий виллой, где же он? Мальчик на большого босса явно не тянет. Где же управляющий?

– Управляющая, – поправила шатенку на чистейшем русском языке Софья, оперативно приблизившись к ним. – Это я, добрый день! Меня зовут Софья, я из Санкт-Петербурга, но вот уже скоро год как управляю виллой «Афродита» здесь, на Наксосе! С приездом вас, добро пожаловать! А с самым большим боссом вы еще сегодня встретитесь обязательно на торжественном ужине в вашу честь!

– Очень, очень приятно! – громко и сердечно произнесла самая старшая из прибывших дам.

Последней можно было смело дать около шестидесяти лет. При этом она была чрезвычайно энергична, на ее щеках играл натуральный румянец, глаза сверкали, улыбка не покидала ее живого лица.

Правда, внимательный наблюдатель отметил бы, что ее одежда была, пожалуй, излишне пестра, маленькая шляпка нелепа, а помада слишком ярка для ее возраста.

Старшая дама бодро катила за собой большой чемодан и, казалось, совершенно не страдала от жары. Энергично махать Костасу, стоявшему с высоко поднятой табличкой, она начала, не доходя еще добрых пятнадцати метров до молодого грека.

– Меня зовут Аделаида Пална, можно просто Ада! А это мой муж – Анатолий Петрович, прошу любить и жаловать! Отличный стоматолог, могу сказать! У вас не болят зубки, девочка? Если заболят – скажите сразу мне! Он все вылечит, он лечит их просто на лету! Толечка, поздоровайся!

Заметно уставший, в отличие от своей бодрой супруги, Анатолий Петрович кисло улыбнулся Софье, неловко кивнул в знак приветствия и развел руками, словно признавая: что уж тут поделаешь, на лету – так на лету. Если надо, мол, – вылечим!

– Так, девоньки, подружки дорогие, – не терпящим возражений тоном скомандовала «Аделаида Пална», оглядев жен-

ское трио: блондинку, брюнетку и шатенку. – И что это мы встали? Чего стоим, кого ждем? Быстренько, быстренько! Подхватились – и в отель! Еще номера надо занять!

– Ада, ради всего святого! – простонал Анатолий Петрович, обливаясь потом. – Ну когда ты перестанешь нас всех подгонять? Это же просто невыносимо, в конце концов! Перед людьми неудобно!

– Адочка, – сквозь зубы брезгливо процедила брюнетка, – это не сортир на вещевом рынке в Южном Бутово, здесь «занимать» ничего не надо, у нас все забронировано! Андрей лично беседовал с владельцем, и насколько мне известно, у нас уже и так все номера определены. И никого к нам не поделят, не переживай. Не так ли, э-э... Как вас?..

– Софья, – невозмутимо повторила управляющая и снова широко улыбнулась. – Разумеется, особенно спешить незачем. Номера уже готовы к вашему приезду. Мы понимаем, что вы устали, оставьте ваш багаж. Костас, мой помощник, отнесет его на автостоянку и проследит, чтобы наш водитель немедленно доставил его на виллу. До виллы пешком идти около пятнадцати минут. Но мы предлагаем вам такси, две машины уже ждут нас на парковке. Если вы не против, я провожу вас. Единственный вопрос: по «брони» мы ожидали двенадцать человек. Где же ваши спутники? Еще на пароме?

– Мужья ушли в таверну на берегу, «У Ирины и Георгиоса», кажется, – проговорила шатенка. – Им еще на пароме посоветовали ее как лучшую. Все четверо: мой Руслан

и Андрей с Петром, с ними и наш юрист Александр. Предупредили, что могут задержаться: им нужно обсудить что-то важное. Кстати, меня Светлана зовут. Можно Света. Как удобнее. Мужья придут прямо в отель, сказали, чтобы мы располагались и устраивались. И еще с нами три человека – механики, из питерского мотоклуба. Они пока машины выгонят, пока разгрузят, что-то там проверять будут... У них дел по горло. Я краем уха слышала, что Андрей здесь арендовал на причале целый бокс под гараж. А вот что и зачем, если честно, – я не в курсе. Я думаю, что они как раз сейчас это и обсуждают.

– Ой, секреты, секреты, – промурлыкала блондинка, игриво наматывая на палец осветленную прядь и без стеснения в упор разглядывая Костаса. – Наверняка, будут говорить «о делах»! – она вздохнула. – Как же все это скучно! Вы себе и представить не можете, Софья! Так как, вы сказали, зовут этого молодого греческого бога? Костас? Очень, очень ему идет! Можно, я с ним до отеля пешочком пройду?

– Ирка! – устало произнесла брюнетка. – Уймешься, – нет?! Точно Петьке сдам! Сдам, как стеклотару! Допрыгнешься! Выгонит снова – ко мне на дачу больше не просись, не пущу! Мне прошлого раза хватило! Так, где такси? Пойдем! Ведите нас, э-э...

– Софья, – подсказала ей шатенка Светлана, укоризненно покачав головой.

Аделаида отвернулась, чтобы скрыть злорадную улыбку.

Ее муж неловко закашлялся.

– Ну что, что? Да! У меня отвратительная память на имена! Пошли уже, в самом деле, чего встали? Ада, ты, кажется, куда-то спешила? – раздраженно пробормотала брюнетка и, гордо закинув голову, как по подиуму, «от бедра», уверенно пошла к автостоянке, катя за собой ярко-розовый чемодан под цвет ее туфель на высоких каблуках.

За ней энергично последовала немного присмирившая Аделаида Павловна, за неимением чемодана теперь тащившая за собой своего уставшего супруга. Чемоданы ее и блондинки, несмотря на их увесистость, легко подхватил и понес улыбающийся Костас. Блондинка Ирина, как зачарованная, последовала за мускулистым греком. Замыкали колонну Светлана и Софья.

– Вы на нее не обижайтесь, на Злату, – доверительным тоном проговорила управляющей шатенка. – Она добрая на самом деле. Просто она старше нас всех, кроме Аделаиды, разумеется. Я точно даже не знаю, сколько ей лет, она все время говорит разные даты. Детей нет, никого нет. Собака у нее была, золотистый ретривер, – умерла в прошлом месяце. Хотя некоторые говорят «издохла». А у меня язык не поворачивается такое сказать про живое существо. Эта Жужа была ей как родная. Отравилась чем-то, бедное животное... Правда, Андрей терпеть ее не мог, но как Злата горевала, вы не представляете! А еще у них с мужем в последнее время совсем не ладится. Даже про развод поговаривали. Вот она и пере-

живает.

– Я никогда не обижаюсь на наших постояльцев, – сдержанно улыбнулась Софья. – Не имею права. Наша задача сделать так, чтобы вам у нас понравилось и вы захотели к нам приехать снова и снова! Вот увидите, у нас чудесная вилла, отличная кухня и замечательный персонал, а хозяин – просто прекрасный человек, я знаю его много лет, и таких как он – на свете единицы, поверьте! Догоняйте своих, я через минутку к вам присоединюсь на парковке!

Проследив взглядом за шатенкой, направившейся вслед за остальными, управляющая набрала телефонный номер и произнесла несколько фраз.

Пока она слушала, что ей говорят в ответ, на ее глазах из паромы на набережную выехали три последних авто: большие черные фургоны «GMC Savana», каких на острове еще никогда никто не видел. Небольшой колонной фургоны с тонированными стеклами медленно прокатились по набережной, выехали на главную дорогу, ведущую в город, и вскоре скрылись от посторонних глаз за поворотом.

Часть первая

*И какой же русский не любит быстрой езды?
Н. В. Гоголь, «Мертвые души»*

За многие-многие сотни лет на небольшой гористый остров, что лежит, омываемый морскими лазурными водами, в самом центре Кикладского архипелага, приезжали разные люди. Они различались цветом кожи, языками, традициями и привычками, характерами и интересами, но всех остров встречал одинаково радушно.

На вертелах в тавернах жарилась нежнейшая ягнятина и козлятина; на решетках гриля шипели и брызгали жиром, облачаясь в румяные корочки, кальмары, осьминоги и креветки; запекалась ароматная картофельная мусака с баклажанами и мясным фаршем, тушились в печах нежные долмадес в виноградных листьях; по большим глиняным кувшинам разливалось холодное домашнее вино из фамильных погребов.

Гостей встречали народными песнями и танцами, накрытыми столами с традиционными закусками. Остров умел быть щедрым и гостеприимным, отвечая приезжим взаимностью на искренний интерес, дружелюбие и желание познакомиться поближе.

Большая часть гостей, пробыв на Наксосе какое-то вре-

мя, покидала его навсегда, возвращаясь в свои города и страны. Другие – и таких было немало – уезжали с затаенной надеждой обязательно вернуться снова. И лишь очень немногие принимали решение осесть здесь насовсем. Практически, единицы.

Наксос, лежащий посреди Эгейского моря на древнем морском пути с Крита в Афины, недаром именно на нем сделал ту самую злосчастную остановку Тесея,³ сегодня не избалован чрезмерным вниманием туристов, хотя множество отелей и вилл столицы готовы принять гостей каждый день. Сюда не так просто добраться, и в пакетных предложениях большинства туроператоров он попросту отсутствует. Хочешь – добирайся самостоятельно. И тот, кто знает, о чем речь, обязательно доберется.

Это не известный модный курорт, такой как Санторини,⁴ и не международная здравница с термальными источниками как Лутраки.⁵ Скорее, это большая греческая ферма, в садах и на полях которой растет все, что может расти под лучами южного солнца: самые разнообразные овощи, фрукты, яго-

³ герой древнегреческого мифа о Минотавре, Тесее и Ариадне, сын Афинского царя Эгея, остановился на Наксосе по пути с Крита в Афины после победы над Минотавром и оставил на нем Ариадну – прим. автора

⁴ Остров вулканического происхождения архипелага Киклады, знаменитый на весь мир своими живописными видами на огромную кальдеру вулкана, заполненную морской водой, визитная карточка Киклад – прим. автора

⁵ Греческий город на берегу Коринфского залива, известен своими минеральными источниками – прим. автора

ды и корнеплоды, которые потом в огромном количестве отправляются на материк. Наксос кормит своим картофелем половину Греции. Здесь живут простые труженики: крестьяне, виноделы, пчеловоды, сыроделы и фермеры.

Былая слава Наксоса – средневековой столицы Киклад – давно позади, и сегодня остров – это живописное тихое местечко, где каждый иностранец, выбравший его в качестве постоянного места жительства, на долгие месяцы у островитян становится темой для разговоров.

Таким иностранцем, решившим поселиться здесь навсегда, и стал несколько месяцев назад Александр Владимирович Смолев, русский, полных сорока пяти лет, из Санкт-Петербурга, офицер запаса. Эти сухие анкетные данные мало что говорят о человеке, который теплым майским утром сошел с афинского парома на набережную Хоры Наксоса с одним лишь небольшим саквояжем да деревянной тростью в руках.

Гость с далекого севера, находясь в поисках «тихой пристани» для отдыха, воспользовался рекомендацией друзей и поселился на вилле «Афродита», которую вскоре и приобрел к полному удовольствию как бывших владельцев, распознавших в нем человека достойного, так и других островитян, которые успели близко с ним познакомиться.

Вместе с виллой Смолев купил у тех же хозяев и старую таверну на берегу, которая за несколько месяцев превратилась в одну из лучших на острове. Пришлось потрудиться

как следует, но результат того стоил!

Название из уважения к прежним хозяевам – греческой семье, чьи поколения столетиями жили на острове, – он выбрал по именам последних владельцев: «У Ирины и Георгиоса». Вышло это непреднамеренно или это был тонкий и далеко идущий расчет, но поступок нового владельца «Афродиты» местные оценили сразу.

За несколько месяцев на острове так много всего произошло, что ему впору было уже писать мемуары. И все эти события рассказали бы о приезде гораздо больше, чем любая самая подробная анкета.

С некоторых пор владельца виллы «Афродита» хорошо узнали на Наксосе как человека щедрого, порядочного, честного и, – что немаловажно для греков при оценке мужчины, – храброго.

На небольшом клочке суши, омываемом морем со всех сторон, слухи разносятся быстро, попутно обрастая самыми удивительными подробностями, – разберись потом, что правда, а что вымысел, но одно все знали точно: к этому русскому приходит советоваться сам старший инспектор уголовной полиции Теодорос Антонидис. Несколько громких преступлений, произошедших за последний год в этих местах, они раскрыли вместе. Еще говорят, что именно храбрость и хладнокровие Смолева не раз спасали жизнь его товарищам.

Тот же старший инспектор, по слухам, и сам чуть ли

не жизнью ему обязан. По крайней мере, такие намеки делали сержант Дусманис и его напарник в таверне, когда у них, слегка охмелевших, развязывались языки.

«Вы его еще плохо знаете, этого русского! – говорил Дусманис, многозначительно потрясая пальцем, направленным в потолок. – Это такой человек!..»

«Ну и что, что русский? И пусть, хорошо даже. Русские грекам плохого никогда не делали. А на Кикладах и подавно! Против турок вместе с нами воевали... По рождению – русский! Зато по характеру – чистый грек! – говорили ему в ответ местные завсегдатаи, зашедшие посидеть в таверну и узнать последние островные новости под рюмочку ракомелло.⁶ – Немного, правда, на лицо бледноват, но под нашим солнцем это поправимо. Женить только его надо! У нас все женятся. Вон ваш старший инспектор – а тоже ведь приезжий, с материка! – и тот какой замечательной женщине из долины предложение сделал, этой осенью свадьба!»

Правда, некоторые островитяне, вхожие на виллу «Афродита» по роду своих занятий, знали, что к хозяину виллы часто приезжает гостя из далекой Испании, молодая и красивая, и тогда их можно было увидеть прогуливающимися вдвоем по набережным и узким улочкам Хоры, сидящими за столиком в таверне и даже на борту восстановленной лодки старого Аманатидиса, что увозила Смолева и его гостью

⁶ местный вариант ракии, в которую на Накосе добавляют тимьяновый мед – прим. автора

на морскую прогулку поздним вечером, на закате, чтобы вернуться порой под утро, когда первые рыбаки уже покидали стоянку в марине и уходили на промысел.

Кстати сказать, местные рыбаки – те и вовсе за русско-го готовы были стоять стеной. Они не забыли, как новый владелец «Афродиты» в первый же день своего вступления в права собственности на виллу помог старому Никосу: нанял внезапно оставшегося без работы рыбака-ветерана возить морепродукты на кухню своей гостиницы и в таверну. Спас, можно сказать, от нищеты на старости лет. Каждый день принимал у Никоса улов и, не торгуясь, платил вдвое против прежней цены. Все понимали, что Никос заслужил это: шестьдесят пять лет ходить в море – не шутка. До того все помогали старику как могли. Но есть и свои семьи, и их надо кормить. А рыбацкая фортуна не всегда благоволит: порой с пустыми сетями вернешься, и то хорошо, что вернулся – отпустило море...

Никос много лет был лучшим рыбаком острова, и гордость не позволяла ему принимать помощь от таких же, как и он. Если и брал что по крайней необходимости – исключительно в долг, четко оговаривал сроки и всегда возвращал. Но очень скоро дела его были бы совсем плохи, если бы не Смолев и его щедрое предложение. С того самого случая рыбаки прониклись глубоким уважением и симпатией к русскому. Он тоже всегда шел им навстречу, особенно, когда нужно было докупить морепродуктов для таверны. По-

что каждый день «У Ирины и Георгиоса» теперь проводились праздники и вечеринки как для приезжих, так и для местных жителей.

Вот и сегодня, с самого раннего утра Алекс вместе с Петросом – поваром «Афродиты» – занимались делами таверны.

Начали с того, что еще на рассвете встретили на пирсе рыбаков, возвращавшихся на остров с уловом. Старому Никосу повезло: в сети помимо обычной кефали и каменных окуней попало несколько крупных золотистых пагрусов, луцианов и два луфаря. Еще трое рыбаков предложили сверх обычного улова два десятка осьминогов и дюжину отличных омаров.

Петрос был очень доволен: долго рассматривал осьминогов с омарами и, покачивая головой, одобрительно цокал языком, пока Смолев рассчитывался с рыбаками.

Все свежие морепродукты должны были пойти сегодня же на стол в таверне: вечером ожидалась гости – местное греческое семейство в полном составе праздновало день рождения бабушки. А это, с родственниками с островов и с материка, добрых пятьдесят человек гостей соберется. Юбилей – девяносто лет – круглая дата, как никак!

Когда пришел паром «Blue Star», Смолев уже закончил общаться с поваром, обговорив с ним все детали по работе кухни; сегодня она будет работать особенно напряженно: ведь праздник не только в таверне, на самой вилле тоже состоится праздничный ужин. Ожидается заезд новых гостей. Решив все организационные вопросы, он не спеша отправил-

ся в таверну «У Ирины и Георгиоса».

Радужно встреченный официантами таверны, которые души не чаяли в своем боссе, Алекс плотно и с аппетитом позавтракал сладкой рисовой кашей с миндальными орехами и местным творогом, политым золотистым медом. Свежая выпечка с абрикосовым джемом, большая кружка ароматного кофе с молоком и двумя кусочками сахара традиционно довершили дело. Это уже вошло в привычку. Смолев приобрел здесь, на острове, много новых привычек. И все они ему нравились.

Сидя за угловым хозяйским столиком с видом на море в ожидании своей управляющей, с которой он договорился встретиться в таверне, Алекс пододвинул к себе стопку воскресных национальных газет на греческом языке, прибывших накануне из Афин. Быстро просмотрев стопку, он выбрал несколько: «То Вима»⁷, «Прото Тема»⁸ и «Real News»⁹

Алекс продолжал интенсивно изучать греческий язык. И если за прошедшие с приезда на остров полгода он научился вполне сносно общаться с местными греками на бытовые темы, то более серьезные аспекты, изложенные на современном греческом языке, такие как политика и экономика, от него еще пока ускользали. Тем не менее, он несколько не сомневался, что еще до конца первого сезона овладеет этим языком.

Как у любого полиглота, каким и был Смолев, читавший и свободно говоривший на английском, немецком, французском, итальянском, испанском, болгарском, немного на финском и шведском и еще чуть-чуть на японском, у Алекса за долгие годы выработалась своя метода изучения и запоминания.

В голове у него сложилась стройная система языка, где все

⁷ «Трибуна» – (греческ.) – прим. автора

⁸ «Первая тема» – (греческ.) – прим. автора

⁹ «Настоящие новости» – (англ.) – национальная газета на греческом языке, прим. автора

было разложено в нужном порядке и необходимой последовательности: грамматические конструкции, модальные глаголы, артикли, фразеологические обороты, фонетика...

После третьего языка, которым он овладел, эта система сформировалась окончательно, прочно закрепилась и работала как часы. И дальше каждый новый язык давался ему все легче и легче. Он просто добавлял в нужный раздел своей системы конструктивные составные элементы нового языка.

Кстати, для Смолева как для человека, владевшего в совершенстве несколькими языками, никогда не было необходимости четко делить свои знания на разные языки. Так ему было проще переключаться с одного на другой. Он уже давно понял, что на самом деле учит один язык, – язык людей, который помогает ему понимать их как можно лучше.

Алекс раскрыл толстый потрепанный блокнот, достал из кармана ручку и начал чтение с воскресной «Первой Темы», уже привычно подчеркивая незнакомые слова и фразеологические обороты, чтобы потом записать их и выучить. Постепенно он углубился в чтение, забыв о недопитом кофе. Даже не понимая в деталях всего текста, Алекс догадался, что экономическая ситуация в Греции по-прежнему оставляет желать лучшего, и новые поспешные перестановки в экономическом блоке правительства вряд ли ее исправят. Он закончил с первой статьей и быстро выписал в блокнот незнакомые слова. Только Смолев развернул газету в поисках статьи позанимательней, как в таверну с пляжа вошли

четверо незнакомых мужчин.

– Вроде эта, судя по вывеске, – вполголоса по-русски произнес один из них, крепкого телосложения загорелый брюнет с карими, почти черными глазами, бросив кожаную барсетку на ближайший к выходу столик. Его смуглое лицо с классическим греческим профилем немного портили кривящиеся от раздражения тонкие губы. – Про нее нам официантка на пароме все уши прожужжала. Хотя, черт их тут разберет, тут таверна на таверне. Что они едят на своих вывесках, – пойди разберись! Мы по-гречески ни бельмеса, они по-русски...

– Эта, эта, – кивнул второй, будучи полной противоположностью первому: худой, светловолосый, кудрявый, со светлыми бровями и, словно выгоревшими на солнце ресницами голубых глаз – настоящий типаж есенинского «рязанского парня». Смолев про себя невольно окрестил его «Иванушкой». – В любом случае дальше не пойдем. Посетителей еще нет, это хорошо! Сядем здесь, в тенечке, с видом на море. Есть хочу, пить хочу, все хочу!

– Что-то я никого не вижу, – сипло пробурчал, усаживаясь, третий, самый грузный из них и, очевидно, самый старший. – Ни официанта, ни бармена. Вон сидит один какой-то перец, местные газеты читает... А насчет выпить – мысль свежая, подкупает своей новизной... Я бы сейчас смочил глотку. Трубы горят...

В этот момент у Смолева зазвонил мобильный телефон.

Прибывшие не обратили на мужчину – грека, судя по стопке греческих газет перед ним, – никакого внимания. Тем более что наконец-то к ним подскочил официант, немного говоривший по-русски, и помог определиться с выбором блюд. Так же стремительно он убежал на кухню, пообещав им прислать бармена.

– Да, я понял, Рыжая, все ясно. Они здесь, – негромко произнес Смолев, прикрывая трубку ладонью. – Спасибо, что предупредила. Занимайтесь делами на вилле. Скоро буду.

Гости не слышали ни слова из его разговора, поскольку вели оживленный диалог с барменом.

– Ну что, вискарика? Или по коньячку? – все громче вопрошал старший, пока его друзья медлили с выбором. – Давайте уже определяться! Руслан, Андрюха, что молчите?

– Ты бы полегче, Петрович, – вяло протянул молчавший до того четвертый, совершенно лысый и бесформенный, весь какой-то растекшийся мужчина неопределенного возраста, которому можно было с одинаковой вероятностью дать и тридцать лет, и сорок пять. – На этом пароме тебя долго еще не забудут. Ты в курсе, что ты у них весь бар выгреб подчистую? То-то бармен почесал на берег впереди нас – наверняка затариваться в местном винно-водочном на те бабки, что ты там оставил. Я думаю, ты им план по коньяку с виски за полгода вперед сделал. И кто на такой жаре пьет крепкие напитки? Вот белого сухого – другое дело! Особенно, если оно из холодильника! Я, пожалуй, кувшинчик зака-

жу...

Старший только рукой махнул, пропустив слова мимо ушей. Он хотел выпить. Предложение лысого оставило его равнодушным.

– Сашка дело говорит, – неприязненно покосившись на зеленоватого цвета опухшее лицо «Петровича», сказал первый. – Хватить бухать, Петро. Иначе все сорвется, а мы сюда приехали по серьезному вопросу. Или ты решил отколоться? Тормознись! Возьми себя в руки, слышишь? Здоровье побереги, тебе оно скоро понадобится!

– С этой лярвой, веришь, никакого здоровья... – хрипло и агрессивно начал было старший, а потом вдруг как-то сник и махнул рукой. – А и хрен с ней. Приедем домой, буду думать, как дальше жить. Может, и правда выгнать к чертям собачьим... Пацаны, мне немного, стаканчик, – и я снова в деле. Вы же меня знаете!

– Ладно, разберемся, – процедил сквозь зубы брюнет, отводя взгляд. – Семейные дела пока все в сторону. Не у тебя одного проблемы... Будем их решать, когда домой вернемся. Но имей в виду, на байк не сядешь, пока Айболит не даст отмашку, что ты трезвый. Лысый, где ты ходишь? Что, техника уже на берегу?

– Да здесь я, здесь, куда я от вас денусь, Андрюша! – кивнул головой тот, обмахиваясь меню, как веером. На три минуты он отлучился в уборную, а когда вернулся, утирая пот и тяжело переступая, снова упал обессиленно за стол, где

расположилась остальная троица. – Механики доложились, все в порядке. Боже, как жарко! Сдохнуть можно!

– погоди, не спеши пока. Ты нам еще нужен. Дело сперва сделай, а потом – как хочешь! Документы готовы? – продолжал допрашивать брюнет надувшегося юриста, не оценившего черный юмор. – Что с местными? Нам были обещаны проводники, надо маршруты утверждать. Старт через три дня!

– Андрюха, стой! погоди, ты куда так гонишь? – даже выпустил из рук свое меню белобрысый «Иванушка» и растерянно оглядел собравшихся. – Что за спешка? Во-первых, за маршруты отвечаю я. Ребята знакомые, что тут уже третий год живут по месяцу, мне выдали карты. Хороший вариант для эндуро,¹⁰ ты был прав. Но так не делается! Во-вторых, надо сделать пробный выезд, все самим на месте осмотреть. Еще неизвестно, как себя техника в местных горах поведет! Надо дожидаться результатов выезда, послушать, что механики скажут, выбрать покрышки, все снаряжение перетрясти, ввести контрольные точки маршрутов в навигаторы, организовать промежуточные пит-стопы... Как мы это все сделаем за три дня? Это физически невозможно. Да и устали все, пару деньков можно и поваляться. Потом прокатимся спокойно, все на месте пойдем, спокойно все организуем. А через неделю и старт. А, Петро? Ты-то чего молчишь?

¹⁰ дисциплина мотоспорта и велоспорта, соревнования в которой проходят на дорогах с различным покрытием и по пересечённой местности с соблюдением заданного графика движения на большие расстояния в течение нескольких дней – прим. автора

Тот, погруженный в какие-то свои невеселые мысли, лишь безразлично махнул рукой. Оживился он только после того, как официант поставил перед ним граненый стакан виски со льдом.

– Мне все едино. Хоть через три дня, – мрачно ответил Петр, то и дело поглядывая в сторону барной стойки. – Откатаем, а потом отдохнем. Раз вам не терпится. Первый раз, что ли? И где официанта с моим лимоном черти носят? Я не могу пить без закуски третий день подряд...

Брюнет, которого все называли Андреем, покачал головой, взял со стола бутылку с минеральной водой, быстро открутил пластиковую крышку и разлил воду по стаканам. Опрокинул свой стакан в рот, вытер тонкие губы тыльной стороной ладони, поставил стакан на стол с громким стуком и произнес:

– Времени нет! Вы забыли, что на носу три тендера? Нужно заканчивать здесь и возвращаться. Тот, кто выиграет спор, получит полномочия и поедет в Москву все это разруливать. В министерстве ждать не будут. Вы что, дети малые? Не знаете, какой кровью это все в Москве дается?

– Спор, спор, – пробурчал Петр, с презрением разглядывая чистую воду в стакане. Он сделал глоток и поморщился. Отодвинул стакан с водой и взялся за стакан с виски. – Спор спором, а бизнес бизнесом. Я лично тебе доверяю, поезжай! И без всяких споров. Ты генеральный – тебе и карты в руки!

Руслан тоже не будет возражать. У нас и так в Питере есть чем заняться. Да и что изменится-то после заезда? Понятно, что шансов у тебя больше, чем у нас. Я на байке в прошлом году сидел. У себя в гараже. Посидел, пива попил и слез... Так, за компанию с вами еду. Руслан, небось, тоже... Олимпийский принцип: главное не победа, а участие!

– На трассе всякое бывает, – непонятно проговорил брюнет, еще сильнее скривил губы и плеснул воды в свой стакан.

В это время два официанта принесли полные подносы с кухни и быстро расставляли тарелки с дымящейся едой на столе перед посетителями. В разговоре возникла небольшая пауза.

Накрыв стол, официанты ушли на кухню. Проходя мимо столика, за которым сидел Смолев, они ему улыбнулись, тот кивнул, продолжая прислушиваться к возобновившемуся разговору.

– Слушайте, мы давно собирались это сделать: проехать на мотоциклах через остров по горам на спор. Мы же с вами лет десять об этом мечтали! – сказал белобрысый, которого старший назвал Русланом. – Ребята, это такая романтика! Вы смотрите, какая тут красота! Море, солнце! Про местный горный хребет я все выяснил, трасса сложная лишь местами. Я сделал три варианта маршрутов, они совершенно равнозначны. И не прибедняйся, Петро, я прекрасно помню, что ты за последние пять лет трижды принимал участие в эндуро! И трассы были куда серьезнее! Только давайте сделаем

все правильно. В конце концов, я отвечаю в этом проекте за безопасность на маршруте!

– Вспомнил! Когда это было... Впрочем, ты прав: опыт не пропьешь! Безопасность, безопасность, да ни черта с нами не случится, – хмыкнул Петр и равнодушно поинтересовался: – Как маршруты делить будем? Спички тянуть? Или монетки подбрасывать? Давайте уже закончим с этим и поедим – у меня от всех этих запахов желудок свело!

– Да хоть бы и спички! – возбужденно воскликнул белобрысый «Иванушка», хлопая себя по карманам.

– Спичек я не вижу на столе, – помотал головой Брюнет. – Возьмем зубочистки. Так, Лысый, ты юрист, лицо незаинтересованное. Давай, Саня, бери три зубочистки, сделай короткую, среднюю и длинную. А мы тянуть будем.

– Вы погодите, – вдруг ожил юрист. – А с документами сперва никто не хочет ознакомиться? Я их неделю «рожал»! Вы же задачи ставите – все мозги можно заплести, пока додумаешься. Вы хоть прочтите, под чем подписываться собрались! Речь идет о контрольном пакете компании!

– Документы ты нам потом зачтешь. А лучше выдашь каждому его экземпляр, чтобы после обеда спокойно в гостинице почитать, – отрицательно мотнул головой Андрей. – Давай уже, делай, что говорят: ломай зубочистки. Тянуть будем. А то и правда – есть охота, слюни текут. Ну, что ты сонный, как тюлень? Давай! Еда стынет!

– Ничего с ней не случится. Вкуснее будет на такой жа-

ре, – недовольно пробурчал юрист, нехотя сломав одну зубочистку и перевернув целыми концами половинки кверху, добавил еще одну, целую. – Тяните, черт с вами!

Еще через полчаса, когда гости ушли из таверны, рассчитавшись за обед и оставив щедрые чаевые официантам, Смолев, потирая старый шрам на виске, неожиданно занывший, как всегда бывало, когда Алекса охватывало плохое предчувствие, набрал на айфоне телефонный номер местного полицейского участка и, дождавшись ответа, произнес в трубку по-английски:

– Старший инспектор? Добрый день. Вы знаете, что такое эндуро? Кажется, где-то слышали? Вот и я... Кажется, где-то слышал. Почему я спрашиваю? Не знаю пока. Сам пока не знаю... Так, плохое предчувствие. Нет, ничего еще не случилось. Надеюсь, что и не случится. Может быть, показалось... Да, я звоню пригласить вас сегодня на ужин в «Афродиту» к восьми часам. Будут фаршированные кальмары, креветки на гриле и барашек. Леонидас с Димитросом привезут вино из долины. Приходите! Там и поговорим. Отлично, жду!

Смолев уже закончил разговор и положил айфон на клетчатую бело-голубую скатерть, покрывавшую стол. Какое-то время он сидел, задумчиво глядя перед собой.

– Какого черта, – сказал он вполголоса, придя, наконец, в себя. – Каждый борется со скукой по-своему. Взрослые люди, пусть делают, что хотят. Мало ли что мне не нравится...

Он встал и, махнув на прощание рукой немедленно заулывавшемуся бармену, вышел из таверны.

Часть вторая

*Десять негритят решили пообедать
Один вдруг поперхнулся, и их осталось девять...
Агата Кристи, «Десять негритят»*

У двадцатилетней Катерины – старшей горничной виллы «Афродита» и, по совместительству, консьержа, сегодняшний день задался с самого утра.

Будучи от природы девушкой жизнерадостной, бойкой и трудолюбивой, она искренне недоумевала и совершенно не могла понять тех людей, которые находят для себя в этой жизни причины для уныния или затяжной хандры. Речь, само собой, не идет о настоящем горе, когда теряешь близкого человека. Уж Катерина-то прекрасно это знает: как она переживала, когда во время свадьбы Димитроса и Марии ее жениха Костаса ранили в грудь из пистолета, – это совсем другое! Слава богу, он скоро выздоровел, и горе быстро покинуло ее молодое сердце. Но, когда горя нет, – отчего же не радоваться жизни каждый день и каждый миг? Ведь она так прекрасна и удивительна!

Ну, может быть, где-то, в тех далеких от Греции краях, где всегда сыро, пасмурно, холодно и на улицу круглый год не высунешь носа, – там, конечно, грустновато! А еще, наверно, там ничего не растет, и еда вся из супермаркетов – как резиновая. Это фатальное невезение она еще могла понять

и посочувствовать несчастным от всей души.

Но на острове, где почти круглый год все цветет и плодоносит, где прекрасные сады и виноградники, где в любой таверне, на любой кухне каждый день по несколько раз готовится пища настолько вкусная, что один ее дурманящий аромат сводит с ума, где море вокруг такое прозрачное и теплое, что ты готова плескаться в нем целыми днями, когда на улице, где ты живешь, свежий ветер мельтеми с раннего утра приносит аромат магнолии из парка – этот запах она больше всего любит, такой сливочный, с оттенками ванили и лимона, – как можно здесь печалиться и тосковать?

Каждое утро ты просыпаешься полной сил и в прекрасном настроении, – когда же здесь грустить? Как можно? Вокруг столько поводов для радости: живет она на прекрасном острове, который любит всей душой, а ее жених Костас доучивается последний год на сельскохозяйственном факультете университета в Салониках и совсем скоро вернется на Наксос, чтобы уже больше никуда не уезжать без нее. Свадебное путешествие они запланировали в Тоскану, на родину Марии Аманатиди, вот будет замечательно!

Бывший молодой хозяин виллы «Афродита» Димитрос Аманатидис – не без подсказки со стороны его молодой жены, что поделаться, мужчины порой такие недогадливые! – предложит Костасу после того, как они вернутся из Тосканы, работу на своей большой ферме в долине, зря что ли тот целых пять лет учился на сельскохозяйственном! Димитрос

твердо пообещал, Катерина не сомневалась, что так и будет. И они с Костасом, наконец-то, смогут быть вместе и никогда-никогда больше не расставаться!

Катерина очень ждала этого момента и радовалась, что он ближе с каждым днем. Мария позвонила сегодня ранним утром и обрадовала подружку. День начался просто прекрасно! Катерина даже стала напевать веселую песенку, быстро кружась по дому и собираясь на дежурство. Она каждое утро просыпалась с улыбкой, потому что надо было спешить на работу. А свою работу на вилле «Афродита» она просто обожала!

Девушка жила на перекрестке двух небольших улочек, Аполлона и Диониса, в старой части столицы острова.

От ее дома до улочки Апиранто, – что в переводе означало «цветочная» на древнем критском диалекте – где находилась вилла «Афродита», быстрым шагом было всего десять минут. Но Катерина частенько укладывалась и за семь.

Старый город Бурго, раскинувшийся амфитеатром на горном склоне, сбегаящем к морю, напоминал муравейник из белоснежных домов, узеньких улочек, переходов, переулков и тупичков, где в любом из них можно было увидеть кадки с лимонными деревьями, горшки с цветами и пару столиков небольшого семейного кафе.

Стоит попасть в это кафе, чтобы тебя заметили – и все! О дальнейших планах на день до самого вечера можно уже не волноваться!

«Приходите, дорогие гости, пусть даже случайно попавшие на эту улочку, мы вам рады! Присядьте, отдохните, поешьте! Пока хозяйка несет тарелку с холодными тушеными баклажанами и хлеб домашней выпечки, выпейте по бокалу холодной рецины, – она сделана по рецепту, что достался по наследству от старого Иоанниса, прадедушки нынешнего владельца кафе. А он получил его от своего прадедушки, а тот – от своего, – ну, вы понимаете! Да, да, по древнему рецепту, которому почти три тысячи лет, с капелькой той самой смолы, что еще молодой Иоаннис привез с высокогорья семьдесят лет назад. О, это была та еще история! Только на одном склоне горного хребта на Наксосу растет настоящая алевпская пиния! И только ее смола, и никакая другая, подходит для рецины. Чувствуете аромат? Понравилось, правда? Прекрасно! Сейчас и прадедушка выйдет, скажите ему сами, ему будет очень приятно! Только говорите погромче, последние сорок лет он немного глуховат. А он вам поведаст историю, уже ставшую семейной легендой, о том, как он чуть было не сорвался в пропасть, добывая драгоценную смолу. А куда вам спешить? Вы же на Наксосу! Здесь некуда спешить. Как говорят: если вы на Наксосу, то вы уже всюду успели! Сегодня у хозяйки на обед растет – петух, тушенный в красном вине, и чудесные долмадес – никто и нигде на острове вам не предложит долмадес вкуснее, чем делает наша хозяйка. Хотите узнать секрет? Она добавляет в мясной фарш све-

жую молотую корицу и сок лимонов из собственного сада, – это надо обязательно попробовать! А на сладкое – вяленые абрикосы, начиненные грецкими орехами в медовом сиропе. Пальчики оближешь! А вот и прадедушка, знакомьтесь!..»

Ох уж это греческое островное гостеприимство!

Но Катерина, прекрасно ориентируясь в каменном древнем лабиринте, добегала до работы не останавливаясь на пути. Вот и сегодня, звонко цокая каблучками по каменным ступеням виллы, она со скоростью молодой серны взбежала по лестнице, ведущей от главной калитки до «мостика», как окрестил стойку ресепшн хозяин виллы Алекс Смолев.

Успела! На часах еще не было и семи часов утра. Рабочий день у руководителя службы расселения, старшей горничной и консьержа – все в одном лице, вилла-то небольшая: всего одиннадцать номеров, дом владельца виллы, флигель для персонала и домик садовника – начинался рано.

Да, номеров на вилле немного, но в последнее время от гостей отбою нет!

Все заполнено, даже дом владельца. Там он селит только самых близких своих друзей: семью Маннов и Стефанию Моро, испанку с французскими корнями. Кстати, что-то давно она не приезжала!

Сам владелец наверняка скоро появится, у него с недавних пор такая привычка: встать как можно раньше и сбегать на море окунуться. Регулярно на зарядку берет с собой деревянные мечи, как он называет, – боккены.

Смешное слово, вот Катерина и запомнила, кажется, японское. Частенько бегают вместе с управляющей – по часу машут деревянными мечами, мальчишки со всей Хоры сбегаются посмотреть. Потом наплаваются и – назад, на виллу.

На хозяина виллы Катерина буквально молилась, каждый раз, видя его, она расплывалась в сердечной улыбке. Какой все-таки замечательный человек купил «Афродиту», и как повезло персоналу с боссом! Ни одного человека не уволил, зарплату всем прибавил.

А тот злосчастный случай с Костасом? Когда они с Алексом нашли раненого, истекающего кровью юношу в тамбуре у восьмого номера, она думала, что сердце ее разорвется от горя. Она помнит, как у нее отказали ноги, и она упала рядом с женихом, едва сдерживаясь, чтобы не завывать от ужаса во весь голос.

Если бы не Алекс, Костас бы умер – так сказал ей тогда хирург в госпитале. Мол, русский спас твоего жениха, девочка. Все правильно сделал: и рану повязкой грамотно закрыл, чтобы воздух не попал, и лекарства нужные в аптечке нашел и ввел раненому.

Спас! Как ей после этого не боготворить хозяина виллы? А сколько за это время было еще историй, когда... Впрочем, не время сейчас пускаться в воспоминания!

Катерина привычно проверила свое рабочее место, которое покинула в первом часу ночи накануне, включила компьютер и просмотрела электронную почту, что пришла на ад-

рес виллы: управляющая точно поинтересуется. Надо все отсортировать, а самое важное – распечатать.

Катерина решила сперва подготовить документы. Потом она успеет быстро позавтракать, – Петрос наверняка уже накрыл завтрак для персонала, вон как тянет свежей выпечкой с кухни!

После завтрака владелец может потребовать отчет о заселении у управляющей и планы на ближайшие две недели. Надо проверить бронирование и сделать справку по установленному образцу.

Девушка погрузилась в работу, ее тонкие изящные пальцы быстро запорхали над клавиатурой.

Катерина не ошиблась: она едва успела подготовить все необходимые распечатки и быстро позавтракать, а часовая стрелка настенных часов – переместиться вплотную к цифре восемь, как раздались быстрые шаги и по лестнице быстро взбежал Смолев, держа в правой руке гладко отполированный боккен из красного дуба.

– Катюша, доброе утро! – проговорил Алекс по-русски, немного разгоряченный пробежкой. – Как наши дела сегодня?

– Доброе утро, босс! – расцвела улыбкой девушка. Русский язык ей достался от мамы – сибирячки. Она говорила на нем почти правильно, лишь иногда путала ударения в некоторых словах, ставя их на греческий манер. – Все прекрасно, как всегда! Информацию по заселению я подготови-

ла. А где Софья, она сегодня не выходила на зарядку?

– Они с Петросом с утра закупали продукты для таверны, – проговорил Смолев. – Катюша, я к себе, потом на завтрак. Манны уже, наверное, проснулись. Мы придем на нижнюю террасу, позвони, пожалуйста, Артеми, пусть накроет нам на пятерых. Петрос обещал близнецам вкусный десерт, они вчера в нетерпении извелись сами и извели родителей вопросами о том, что же это будет.

– Если Петрос обещал, – улыбнулась Катерина, – он сделает, вы же знаете!

– Разумеется, у меня нет никаких сомнений. Увидишь Рыжую, передай, что все разговоры о делах – после завтрака. Виктор с Терезой и детьми уйдут на пляж, тогда я готов с ней пообщаться. Договорились? Да, кстати, ты уже позавтракала? Вот и умница!

Смолев быстро поднялся по лестнице на галерею, которая вела на хозяйскую половину, Катерина с улыбкой проводила его взглядом.

Как все-таки персоналу «Афродиты» повезло с боссом!

В гостях у владельца виллы были его близкие друзья: Виктор Манн с женой Терезой и двумя близнецами. С Маннами его связывала многолетняя и крепкая дружба. В свое время они с Виктором даже служили вместе. Но это было очень давно.

Сейчас Виктор Манн, будучи в звании генерала, занимал пост главы Центрального Национального Бюро Интерпола

Греческой Республики. Он пропадал на службе сутками, подолгу не видя родных. Очень редко у генерала появлялась возможность провести выходные с семьей, и тогда Виктор брал жену и детей, и они приезжали в гости к «дяде Саше» на Наксос. Детвора давно облюбовала золотистые песчаные пляжи острова, а повар Петрос, души не чаявший в детях, баловал их лакомствами.

– Доброе утро, – раздался бодрый генеральский бас, едва Смолев переступил порог хозяйской половины, – панспортсмен! Что, «Динамо» бежит?

– Все бегут! – поддержал старую добрую шутку Смолев. – К завтраку готовы?

Генерал – ровесник Смолева, крепкий мужчина среднего роста с наголо обритой головой, круглой, как бильярдный шар, – был уже полностью одет и, сидя за столом в гостиной, быстро просматривал свежую почту, которую по его просьбе доставляли ему каждый день.

– Я лично уже полчаса как готов, – хмыкнул Манн. – Тереза близнецов разбудила, еще минут десять – и двинемся. Ты с нами?

– Разумеется. Нам накроют на нижней террасе, я распорядился. Десять минут, и я тоже буду готов. Кстати, генерал, к нам вчера интересные гости заехали, – вдруг вспомнил Смолев, уже было направившийся в сторону собственной спальни, но вдруг остановившийся на полпути. – Мои земляки из Питера. Насколько я успел понять, они партнеры

по бизнесу.

– И что тебя смущает? – спросил генерал, бросив внимательный взгляд на Смолева поверх газеты.

– Ты понимаешь... Накануне в таверне я случайно стал свидетелем их разговора, – неуверенно пожал плечами Смолев. – Может, это что-то значит, а может, – и ничего. Я так понял, что они заключили пари: кто быстрее пересечет остров с севера на юг на мотоцикле, тот и выиграет приз. И как я краем уха слышал высказывание их юриста, – он, понимаешь, тоже здесь, – от результатов заезда будет зависеть перераспределение их долей в бизнесе. А еще они привезли свои мотоциклы, механиков и даже врача. Все серьезно.

– Забавные ребята, – хмыкнул генерал. – Адреналин, говорят, самый сильный наркотик. Мне, правда, его и на работе хватает. Но не всем же так везет в этой жизни, как мне. Ну, чем бы дитя ни тешилось... Эндурщики-экстремалы?

– Да, похоже.

– Ну так и пусть себе катаются, что тебя так зацепило? То, что они на твоей вилле поселились?

– Сам не знаю, – развел руками Смолев. – Что-то не так, а что – пока не понимаю. И юрист мне их не понравился, скользкий какой-то тип. Предчувствие у меня нехорошее...

– Предчувствие? – острее взглянул на Алекса генерал, помедлив, аккуратно сложил газету и положил перед собой на стол. – А это уже серьезнее. После всех дел, в которых мы с тобой участвовали, я научился доверять твоей интуиции.

Знаешь что? Давай-ка после обеда побеседуем с этим юристом! Никуда он до того времени не денется. Зададим пару вопросов. А потом, если потребуется, и со всеми остальными. Если что почувствуем, поручим Антонидису – пусть занимается. Он, поди, закис уже без дела? В конце концов, если сочтет нужным, наложит запрет на эту их эндурщину. А я обещал сегодня своим показать куросы.¹¹ Вот как все три осмотрим, в море искупаемся, так и вернемся, глядишь, как раз к обеду.

– Договорились, – кивнул Смолев и отправился в душ.

Привычно растеревшись докрасна полотенцем после холодного душа, Алекс накинул легкий халат и прошел в кабинет.

Ноутбук на столе был включен. В ящике электронной почты новых писем не было. Он вздохнул. Стефания третью неделю находилась в командировке по делам благотворительного Фонда Карлоса и Долорес Мойя, и Алекс чувствовал, что их отношения уже перешли в ту фазу, когда ему с каждым днем все больше не хватало заразительного смеха, звонкого голоса и искрящихся радостью зеленовато-карих глаз молодой испанки.

«Она обещала приехать, как закончит дела, – сам себе напомнил Алекс. – Нечего киснуть, не маленький! И, вооб-

¹¹ Курос (др.-греч. κοῦρος) – тип статуи юноши-атлета, обычно обнажённо-го, характерный образец древнегреческой пластики периода архаики (ок. 650 г. до н.э. – 500 г. до н. э.). На Наксосе есть несколько незаконченных куросов в каменоломнях – прим. автора

ще, пошевеливайся! Манны уже наверняка ждут тебя на завтрак!»

Через двадцать минут они уже сидели вместе с семейством генерала за накрытым к завтраку столом на нижней террасе.

На завтрак Алексу и его гостям повар Петрос подал свежую выпечку: круассаны и булочки с абрикосовым джемом и корицей, жареные пирожки со шпинатом и яйцом, омлет с копчеными колбасками специально для Манна, рисовый пудинг с тимьяновым медом для Терезы и сладкую пшеничную кашу на молоке с корицей и сахарной пудрой для близнецов.

На сырной тарелке привычно красовались гравьера,¹² Сан-Михалис¹³ и манура,¹⁴ к ним прилагался тимьяновый мед и зеленый виноград. Мясное ассорти составили сигклино и ямбон – копченая и соленая свинина.

На большом блюде со сладостями, стоявшем на детской половине стола, помимо халвы, кунжутных палочек, фессалийского мармелада¹⁵ и миндальных конфет близнецы увиде-

¹² греческий твердый сыр желтоватого цвета из овечьего или козьего молока, второй по популярности после феты, на Накосе его готовят и из коровьего молока, отчего он приобретает ярко выраженный сливочный вкус – прим. автора

¹³ сыр из коровьего молока защищенного происхождения с острова Сирос – прим. автора

¹⁴ сливочный сыр с острова Сифнос, отличается солоноватым привкусом, мягкой текстурой, приятным розовым оттенком и винным ароматом – прим. автора

¹⁵ фессалийский традиционный мармелад без консервантов, выпускаемый

ли целую горку свежеиспеченных сладких ватрушек лихна-
ракья, украшенных сверху свежей клубникой, с начинкой
из мизитры – нежного сливочного сыра – просто тающего
во рту. Это и был обещанный десерт от Петроса: повар
прекрасно запомнил, что понравилось детям Манна в про-
шлый раз.

Близнецы немедленно захлопали в ладоши от радости
и схватили сразу по две ватрушки. Тереза покачала головой
и придвинула к ним миски с кашами. После непродолжи-
тельной дискуссии компромисс был найден: дети ели кашу
и закусывали ее ватрушками.

После завтрака друзья расстались, договорившись встре-
титься на вилле к обеду.

Спускаясь к стойке ресепшн, Алекс увидел свою управля-
ющую.

Она улыбнулась и приветственно помахала ему рукой.

– Привет, дядя Саша, позавтракал? Как близнецам понра-
вились ватрушки? Петрос переживает: угодил ли он им?

– Привет, привет, – ответил Смолев, подходя ближе и уса-
живаясь в кресло, одно из двух, что стояли на небольшой
площадке перед стойкой администратора, разделенные низ-
ким журнальным столиком. – Садись напротив, пообщаемся.
Потом я уеду в Додзе до обеда. Переживает? И совершенно
напрасно. Увидишь его, передай: дети в полном восторге! Ты
мне лучше расскажи, как вчера прошло заселение.

– Как и планировалось, – бодро ответила управляющая, открывая свою записную книжку. – Давай «пробежимся» по номерам. Первый номер – Димитрос с Марией, они на выходные здесь, а в понедельник уже вернутся на ферму. Кстати, вино, что они с молодым Спанидисом привезли накануне, Петрос одобрил. По бутылке белого и красного вина еще вчера поставили в каждый номер в качестве подарка от тебя. Я сказала, чтобы Спанидисы выставляли счет.

– Правильно, пусть выставляют, завтра оплатим, – одобрительно качнул головой Алекс. – Дальше?

– Дальше, – сверилась со списком управляющая, – все просто: второй номер – Александр Клименко, юрист строительного концерна «Зодиак»; в третьем – Андрей и Злата Литвиновы; в четвертом – Руслан и Светлана Василенко; в пятом – Петр Истомин и Ирина Астафьева. Мужчины – все директора из «Зодиака». Литвинов – генеральный, Василенко – коммерческий, а Истомин – технический. Они все трое визитки свои оставили Катерине, когда им лень было анкету заполнять. Дамы не оставили ничего. Литвиновы и Василенко две супружеские пары, как ты уже догадался, а Истомин и Астафьева – в гражданском браке, насколько я поняла, но в лоб спрашивать не стала. Думаю, что дамы, скорее всего, домохозяйки.

– Ясно, – кивнул Смолев, – продолжай!

– Дальше пойдем, – пролистала вперед пару страниц в своей записной книжке Софья. – так, Аделаида и Анатолий Ка-

раваевы. Очень интересная парочка. Муж и жена, но поселились в двух отдельных номерах. Мы их поселили в шестом и в седьмом, соответственно.

– Вот как! – хмыкнул Смолев. – Почему?

– Тебе, дядя Саша, официальную версию или реальную причину? – весело блестя глазами, спросила Софья.

Внимательно слушавшая разговор начальства, Катерина весело прыснула от смеха и тут же зажала рот ладонью.

– Так, девушки-красавицы, – Смолев шутливо погрозил пальцем в сторону ресепшн. – Мы на работе. И про своих клиентов должны знать как можно больше. В идеале – все! Но свои эмоции держать при себе! Так что давайте обе ваших версии. Время покажет, которая из них ближе к истине.

– Официальная. Анатолий Петрович Караваев – врач экспедиции, семейный врач и отличный стоматолог. Каждый день после завтрака ведет прием пациентов: подготовка к каким-то соревнованиям у них, что ли. Все трое должны пройти у него диагностику, как он говорит. Датчики на них будет какие-то вешать, – он рассказывал, я не очень поняла. Он вообще-то общительный дядечка, абсолютно нормальный и безобидный.

– Но? – покосился на управляющую Алекс. – Что-то не так?

– С ним-то все так, – уже не скрывая своего веселья, ответила Софья. – Это с его супругой Аделаидой Павловной проблемы: не дает она ему ни минуты покоя! Загоняла, за-

дергала! Вечно шикает на него, нет ему от нее житья. Не поверишь, просто Салтычиха какая-то и Отелло в одном лице!

– А кто это? – не выдержав, подала голос Катерина. – Салтычиха? Она у нас останавливалась?

– О, это был такой мрачный персонаж в российской истории XVIII-го века, – невесело усмехнулся Смолев. – Софья тебе потом расскажет, страшная женщина. А Отелло-то почему?

– Да она его ревнует страшно, дядя Саша! Он же семейный врач у директоров, все эти дамы тоже ходят к нему на прием, как заведенные. У кого мигрень, кому массаж, кому зубы полечить, кому мазь от загара, кому микстуру от кашля. Но он не может им отказать в медицинской помощи, – он сам мне жаловался, мол, работу потеряет. А Аделаида Павловна от ревности вся кипит и булькает, как самовар!

– Что такое самовар? – снова подала голос любопытная старшая горничная и глава службы расселения. – Это тоже из XVIII-го века?

– Катюша, не отвлекайся, – мотнул головой Смолев. – Я пока так и не услышал толком ни одной версии!

– Дядя Саша, все просто! Официальная: он организовал себе отдельное рабочее место, чтобы не беспокоить жену, которая по утрам спит и частенько просыпает завтрак. Поэтому она попросила, чтобы завтрак приносили к ней в номер к десяти тридцати. Причем, в тройном объеме. С аппетитом у Аделаиды Павловны все в порядке. В это время ее муж уже

полтора часа как исполняет обязанности врача экспедиции. Вот чтобы не мешать ее отдыху и иметь возможность работать, они и заказали два отдельных номера. За все платит «Зодиак», поэтому Караваемым это ничего не стоит. А руководство «Зодиака» все устраивает.

– А что другие дамы? Тоже спят до одиннадцати? – поинтересовался Смолев.

– По-разному: Ирина сегодня еще вообще не вышла на завтрак. Светлана в восемь тридцать уже позавтракала, и они с мужем куда-то уехали. А Злата еще накануне предупредила, что она по утрам не завтракает, а пьет только кофе. Вот, у меня здесь помечено: черный, с тростниковым сахаром. Ей на подносе поставили в восемь часов на столик у дверей. Шла сейчас мимо – нет кофейника. Значит, забрали.

– Ну, хорошо, а реальная версия? Почему Караваем поселился отдельно от жены?

– Да достала она его, дядя Саша, вечными придирами своими и ревностью. Вот он и рад побыть один, что уж тут непонятного? Наша новая горничная Алики рассказала, что когда принесла поднос с едой Аделаиде сегодня утром, она была одна в номере. Видимо, доктор и ночевал у себя в «кабинете».

Катерина снова негромко фыркнула от смеха и быстро спряталась за стойкой ресепшн от укоризненного взгляда Смолева.

– Хорошо, – немного подумав, произнес Алекс. – Версия принимается... Пойдем дальше. Восьмой номер, я понимаю, мы пропустим, он у нас после ремонта в резерве. С большой галереей все. Что у нас по малой?

– Да, все верно. Осталось три номера: девятый, десятый, одиннадцатый. В девятом у нас Джеймс и Лили Бэрроу с маленькой Кристиной. Одиннадцатый держим в резерве туроператора, завтра к вечеру будет ясно. В десятом у нас три человека из команды «Зодиака», насколько я поняла, автомеханики. Они в семь уже позавтракали, порадовали Петроса аппетитом, надо сказать... Позавтракали и умчались, – за ними машина пришла. Алексей Морошкин, Василий Кондратьев и старший – Степанов Сергей Ильич. Они его между собой так и зовут: «наш Ильич»! Абсолютно адекватные ребята. Им по тридцать с хвостиком, а «Ильичу» – пятьдесят два. Вот и все. Все номера «Зодиаком» забронированы и оплачены на неделю вперед. Дальнейшая бронь уже подтверждена, все расписано до конца месяца. Катюша подготовила все распечатки, будешь смотреть?

– Обязательно, – кивнул Смолев, вставая. – Положи мне в мою папку и на рабочий стол, я просмотрю перед ужином. Девушки, благодарю за службу! Умницы! Все, я уехал в Додзе, к обеду вернусь. Кстати, Катюша, не в службу, а в дружбу – предупреди юриста «Зодиака», что мы с Манном хотели бы с ним пообщаться после обеда, если у него будет такая возможность, хорошо?

– Александра Клименко из второго? – уточнила Катерина и сделала пометку в журнале. – Конечно, босс, предупрежу!

Проводив спустившегося по лестнице и вышедшего через калитку Смолева взглядами, управляющая и консьерж расстались, тепло улыбнувшись друг другу: Софья понесла Смолеву документы в кабинет, а Катерина сняла трубку и позвонила во второй номер в надежде застать жильца на месте и предупредить о предстоящем разговоре. Никто не ответил. Девушка пожалала плечами. Придет, никуда не денется.

Она занялась другими делами: созвонилась с горничными и определила на сегодня график уборки номеров. До того, как обед закончится, должно быть все убрано – гости наверняка захотят отдохнуть в номерах в самое жаркое время дня.

Затем Катерина еще дважды набрала второй номер – и снова никто не ответил. Видимо, жилец отправился после завтрака на пляж.

Ну что ж, тогда самое время там убраться, решила Катерина, захватила со стойки мастер-ключ, подходивший ко всем дверям на вилле кроме хозяйского дома, и отправилась на большую галерею.

Подойдя к выкрашенной в ярко-синий цвет двери с овальной табличкой «Room N2» из блестящей латуни, она достала ключ и отперла замок. Странно, что дверь была закрыта лишь на защелку, а не на два оборота ключа.

В комнате царил полумрак: плотные шторы были задернуты. Катерина щелкнула выключателем и, бросив взгляд

на комнату, громко вскрикнула от неожиданности.

Мертвое тело юриста, с посиневшим и перекошенным лицом, лежало на полу, головой в сторону двери. Одна рука его была выброшена вперед, будто он полз к выходу на галерею, а вторая сжимала горло. Вид трупа с глазами, вылезшими из орбит, был страшен.

Не очень понимая, что она делает, Катерина погасила свет, на подгибающихся ногах вышла на галерею, захлопнула дверь, трясущимися руками не сразу попав в замочную скважину, заперла замок на два оборота и опустилась рядом с дверью на пол.

Немного отдышавшись, она дрожащими пальцами набрала номер Смолева и смогла произнести в трубку лишь:

– Босс, это я! Это я, босс! Очень срочно... Срочно приезжайте! Он мертв. Я боюсь! Он мертв, понимаете? Мне очень, очень страшно!

И, уже не слушая, что взволнованно говорит ей владелец виллы, вдруг громко и безутешно разрыдалась.

Прекрасный день на замечательном острове был испорчен безвозвратно.

Часть третья

*– «Не судите опрометчиво», как говорят
Евангелие и господин кардинал, – ответил Атос.
А. Дюма, «Три мушкетера»*

Старший инспектор уголовной полиции острова Наксос Теодорос Антонидис в последнее время пребывал в крайне приподнятом настроении.

На осень была назначена свадьба с замечательной женщиной, которой он смог, собравшись с духом, сделать предложение, пусть это и потребовало некоторого времени. Теперь, когда его долгому холостяцкому одиночеству на острове пришел конец, он был безмерно счастлив, оттого и обязанности свои по службе исполнял с еще большим рвением, но к подчиненным своим, по обыкновению, был по-отечески мягок, хоть и требователен.

Хорошее настроение инспектора мало что могло испортить. Даже затишье в работе не действовало на него так угнетающе, как раньше, и не вгоняло в «островную хандру». Он находил, чем себя занять, штудировав уголовное законодательство и материалы завершенных уголовных дел.

Правду сказать, последнее дело, связанное с поиском голубого алмаза Хоупа, похищенного из коллекции Смитсоновского института, далось ему нелегко. Вспоминая о нем, старший инспектор несколько грустнел, стараясь не пока-

зывать виду, и впадал в рассеянную задумчивость, подолгу просиживая за письменным столом над внушительным «Сборником уложений уголовного права Греческой республики», раскрытым на одной и той же странице.

Из этого расследования он вышел слегка помятым. Даже не столько физически, сколько морально: пропутешествовать несколько часов в душном багажнике машины злоумышленников с кляпом во рту для представителя власти – всегда психологический удар большой силы.

Для начальника уголовной полиции Наксоса этот факт оказался болезненным еще и оттого, что захватили его, замечтавшегося, врасплох.

Можно сказать, старшего офицера полиции у подчиненных из-под носа увели во время следственных действий, – позорище! Это раз. Пистолет остался в служебном сейфе, а телефон он в нарушение всех инструкций глупейшим образом забыл на своем рабочем столе в полицейском участке – это два. И сам бы он вряд ли выпутался – это три.

Все могло кончиться просто печально. И никакой свадьбы, – ничего!

Антонидис покачал головой и невольно поежился. Надо признать, что был старший инспектор на волосок от гибели.

Это он уже потом осознал, когда его, оглушенного, всего в ссадинах и кровоподтеках, в разодранной одежде, почти задохнувшегося, Смолев и Манн вытащили из багажника угнанного «Мерседеса». Жизнь ради него рисковали

в той погоне с перестрелкой!

Ну, и четвертое, самое обидное: разрыдался он тогда, как мальчишка, в присутствии двух кадровых офицеров – двух старших и более опытных товарищей, которых безмерно уважал.

И сейчас при воспоминании об этом злосчастном моменте старшему инспектору, несмотря на хорошее настроение и радужные перспективы скорого семейного счастья, становилось настолько не по себе, что от холодящего спину чувства неловкости и стыда хотелось поджать пальцы на ногах, зажмуриться, а еще лучше – спрятаться под стол.

Тогда он бросал взгляд на своих сержантов, сидевших за столами напротив. Те, поймав взгляд начальника, искренне улыбались ему в ответ, словно еще раз подтверждая, что его авторитет в их глазах нисколько не пострадал от того нелепого происшествия, – и старший инспектор, утирая вспотевший лоб платком, постепенно оттаивал, и настроение его снова улучшалось.

Правду сказать, Смолев и Манн ни единым словом, ни намеком не обмолвились о том эпизоде, да и тогда отнеслись с пониманием: сочувственно выдали спасенному бутылку прохладной воды и отошли в сторонку поговорить, деликатно отвернувшись. Дали взрослому мужчине проплакаться...

Позже, успокоившись, он понял, что они-то уж всякого насмотрелись за свою службу. И то, что мужчины плачут порой, будучи в двух шагах от смерти, такой неожиданной

и подлой, – эка невидаль!

Не от страха плачут – от бессилия, ярости и обиды, что ничего изменить не в силах.

Но поди ж ты, объясни теперь! Еще хуже будет выглядеть: как оправдание перед старшими по званию. И он подумал, что приняли его слезы за страх, поэтому и бросился потом в одиночку выслеживать преступника, никому не сказал. Всем доказать хотел, что не боится. И тогда в багажнике не испугался. Доказать хотел делом. Всем: генералу, Смолеву, своим сержантам, афинскому начальству. А больше всех – самому себе. Устал быть и в собственных глазах «инспектором-недотепой», неловким, комплексующим по любому поводу...

Дело завершилось полным успехом: злоумышленник был пойман, алмаз найден и возвращен в музей Смитсоновского института. Но судьба снова отвела Антонидису роль если не статиста, то роль второстепенную, не самую значимую: принять участие в задержании, которое было спланировано без его участия...

Смолев, сумевший в последний момент нагнать старшего инспектора и организовать задержание преступника быстро, профессионально и без потерь, чем снова продемонстрировал высочайший класс, пока недостижимый для Антонидиса, привычно потом отошел в тень и все лавры, полагающиеся за раскрытое громкое дело, великодушно предоставил начальнику уголовной полиции.

Старший инспектор не дурак, он все это понимает.

Но Теодорос Антонидис не только не был дураком, он был еще и честным человеком. Поэтому от поздравительной помпы и поездки в штаб-квартиру Интерпола в Лионе на торжественную встречу с американской стороной скромно, но решительно отказался. Одно соображение грело ему душу: он тоже смог вычислить преступника. Догадался, понял, смог разобраться! Значит, не так уж он и безнадежен. Значит, его лучшее самостоятельное расследование, которое он обязательно проведет с блеском, – еще впереди.

Антонидис, совершенно успокоившись, улыбнулся, достал из кармана льняного костюма очередной свежий платок, вытер им лоб и только собирался предложить сержантам, уже нетерпеливо поглядывавшим на часы, отправиться пообедать в ближайшую к полицейскому участку таверну, у входа которой всегда жемчужной гирляндой на солнце вялились осьминоги, а с гриля аппетитно пахло фаршированными кальмарами, как резкой трелью прозвенел звонок стационарного телефона.

– Теодорос! Рад, что застал вас на месте! – прозвучал в трубке глубокий баритон Смолева. Обычно спокойный, на этот раз владелец виллы «Афродита» был чем-то не на шутку взволнован. – Теодорос, выручайте! У меня на вилле происшествие, а сам я отсутствую. Позвонила Катерина, старшая горничная, сказала, что на вилле кто-то умер. Ничего больше не могу добиться, рыдает и все! Что-то ее

сильно напугало. Манн с семьей уехали в горы. Связь плохая, трубку не берет. Мне до виллы минут тридцать, не меньше. Вы же там будете через пять. Сейчас позвоню управляющей, она вас встретит. И, если это убийство, то, в любом случае, это по вашей части!

– Мы немедленно туда выезжаем! Не волнуйтесь, встретимся на вилле, – проговорил старший инспектор, внутренне испытывая удовлетворение: возможно, вот оно, настоящее дело, теперь он сам во всем разберется!

Сам Смолев просит его о помощи! Что же, обед отменяется! Не до фаршированных кальмаров, тем более что последний месяц старший инспектор стоически худел: планировал выглядеть молодцевато и подтянуто в новом свадебном костюме, который еще следовало сшить. А тут такое происшествие после долгого затишья. Вот и весомый повод пропустить обед!

Ровно через пять минут – Смолев оказался прав – пятеро полицейских: сам старший инспектор, бодрый и собранный, два грустных сержанта, оставшихся без обеда, и два невозмутимых эксперта – у них обед был на два часа раньше, и они все успели – уже входили в калитку виллы «Афродита» на улице Апиранто. Их встречала взволнованная управляющая.

– Здравствуйте, София, – несколько неуклюже поклонился Антонидис, утерев лоб и незаметно пряча влажный мятый платок в карман пиджака. – Нас вызвал по срочному делу

господин Смолев...

– Да, здравствуйте, Теодорос, – попыталась улыбнуться ему Софья. – Мы вас ждем, проходите!

Улыбка, правда, у управляющей вышла неважной.

Она уже успела после разговора со Смолевым разыскать сидевшую на полу у второго номера плачущую Катерину, дать ей две таблетки корвалола из аптечки, выслушать ее сбивчивый рассказ и уложить на кушетку в комнате отдыха для персонала.

Домой Катерина отказалась идти наотрез, сказала, что ей на вилле будет куда спокойнее, особенно, когда вернется Смолев. Софья не возражала. В двух словах она передала Антонидису все, что смогла выяснить у старшей горничной.

– Ясно, – подумав, кивнул старший инспектор, когда они все остановились перед дверью второго номера. – Вы сами в комнату заходили, что-нибудь трогали? Нет? Очень разумно с вашей стороны. Будьте добры, ключ! И оставайтесь, пожалуйста, снаружи, возможно, это будет не самое приятное зрелище. Если понадобится, я вас приглашу.

– Да, конечно, – с облегчением согласилась Софья, передав ключ инспектору и отступая назад. – Я подожду здесь, на галерее. Скоро должен приехать Алекс, он уже звонил с дороги. Я его встречу.

Старший инспектор задумчиво кивнул. Прежде чем вставить ключ в замок, он внимательно осмотрел замочную скважину. Следов взлома или отмычек на первый взгляд не было.

Замок был новенький, блестящий. Во всех номерах «Афродиты» их заменили месяц назад. Ни на двери, ни на косяке тоже не было никаких следов взлома.

Затем он вставил ключ и аккуратно повернул вправо на два оборота. Ключ плавно провернулся в смазанном механизме замка.

Полицейский нажал на ручку и медленно потянул дверь на себя. В комнате царил полумрак.

Антонидис повернул выключатель, и яркий свет залил комнату. С минуту он постоял на пороге, внимательно рассматривая полураздетый труп на полу, затем повернулся к подчиненным и что-то скомандовал по-гречески, что именно – Софья не разобрала.

Его помощники вошли в номер и привычно принялись за дело. Дверь инспектор полиции прикрыл изнутри, на прощание сочувственно кивнув управляющей.

Софья осталась на галерее, погруженная в невеселые мысли.

Веселиться и в самом деле не было причин. Если это убийство, то ближайшая неделя превратится в какой-то кошмар: допросы, расспросы, раздраженные гости, испорченное настроение, загубленный отдых. Люди попросту больше не придут. Надо бы попросить Алекса, чтобы он переговорил со старшим инспектором. Клиенты ведь ни в чем не виноваты! И вилла тоже. Пойдет дурная слава, – кто потом еще придет, тем более, что конец туристического сезона на носу,

а деньги на бассейн, что запланировали устроить к открытию следующего, еще не заработали.

Какое-то время она была в одиночестве, пока дверь соседнего номера не открылась и не вышла Злата, одетая в легкий шелковый халат и огромные темные очки. Двигалась она несколько скованно, так, словно совсем недавно проснулась, в руках ее был пустой кофейник.

– Здравствуйте, – клиентка поздоровалась первой. Голос ее был хрипловат, словно она и в самом деле только пробудилась ото сна.

– Добрый день, Злата, – благожелательно, насколько сумела, улыбнулась управляющая виллой. – Вам еще кофе?

– Нет, пожалуй, нет, – поразмыслив, ответила Литвинова. – Вы – Софья? Правильно?

– Да, все верно.

– Вы меня простите, – неожиданно произнесла гостья, неловким движением поставив пустой кофейник на небольшой круглый столик и подойдя ближе к Софье. – Я вчера была совершенно измотана. Переезды, переезды, эта болтанка на пароме! Я плохо переношу самолет, но паром, как выяснилось, еще хуже. Эта трескотня Ады всю дорогу, просто невыносимо. Еще муж, у нас с ним... Впрочем, это неважно! Поэтому и вела себя, как, как...

– Ничего страшного, – вклинилась Рыжая, стараясь сгладить момент.

– Как идиотка! – закончила Злата и печально покачала го-

ловой. Она сняла очки и на управляющую взглянули уставшие, покрасневшие, словно от слез или недосыпания, карие глаза женщины, которой можно было дать с одинаковым успехом и сорок пять, и на десять лет больше.

«Злата старше нас всех, кроме Ады» – вдруг вспомнила слова Светланы управляющая.

Не такая уж Злата и старая, подумалось ей. Скорее побитая жизнью, что ли. Видно, что в молодости была очень красивой. Просто сейчас выглядит плохо: синяки под глазами, глаза красные, кожа нездорового цвета, морщины. Она что, всю ночь рыдала? Как минимум, не спала.

– Не переживайте, все в порядке, – успокаивающим тоном произнесла Софья. – Если соберетесь позавтракать, приходите на нижнюю террасу, я распоряжусь, и вам специально накроют отдельный столик. А если не хотите там, девушки вам принесут в номер, только сделайте на кухню заказ по телефону.

Литвинова не слишком заинтересованно кивнула, надела очки и повернулась, чтобы возвратиться к себе в номер. Она уже взялась за ручку и приоткрыла дверь, как вдруг, словно что-то вспомнив, остановилась и обернулась.

– У соседей что-то случилось? – спросила она ровным голосом. – Я, кажется, слышала шаги и разговор, словно несколько человек зашли в соседний номер. Но не смогла разобрать, о чем они говорят. Кто живет в этом номере?

– Боюсь, что теперь уже никто, – против воли вырвалось

у Софьи. И тут же она пожалела о сказанных словах.

Ей показалось, что Литвинова при этих словах вздрогнула, словно от удара хлыстом. Ничего больше не сказав, она зашла в свой номер и плотно затворила за собой дверь. Софья услышала, как ключ изнутри дважды провернулся в замке.

На галерее раздались быстрые шаги. Смолев спешил к управляющей.

– Ну, Рыжая, что происходит? – бросил он негромко, подойдя к двери второго номера. – Полиция здесь? Антонидис, эксперты?

– Здесь, уже полчаса. Работают.

– Ясно. Хорошо. Вернее, ни черта хорошего! – Смолев тоже был заметно расстроен, но собран и уверен в себе. – Вот что... Я так понимаю, что Катерина выбыла на сегодня из списков личного состава. Пусть отдыхает, приходит в себя. Ты займи ее место на «мостике». Возьми на себя все звонки. Кто там сейчас на ресепшн? Алики? Смени ее. Пусть закончит уборку номеров, а потом поможет Артеми накрыть на верхней террасе к ужину. Толку будет больше. Здесь я сам разберусь. И поменьше разговоров среди персонала, тем более с гостями по поводу случившегося. Проследи!

– Есть, босс! – бодро выпалила Софья, непроизвольно выдав счастливую улыбку, никак не соответствующую ситуации.

Вот умеет Алекс все разложить по полочкам, так что сразу

понятно, что, кому и куда. Как сказала Катерина? «Со Смолевым на вилле спокойнее»? Не то слово!

– Что ты улыбаешься? И сколько раз просил не называть меня «босс»? Что за дурацкая привычка? – строго говорил Смолев, думая уже о другом и потирая пальцем снова занывший старый шрам на левом виске. – Слава Богу, Стефании нет, не хватало еще ей такого веселья во время отдыха... Все, беги! Манны будут через два часа, раньше у них не получится. Ужин нам с генералом накроете на хозяйской половине, а Тереза с близнецами поужинает на верхней террасе. Кроме меня и Виктора будет еще Антонидис. Надо обдумать все и обсудить.

– Хорошо, дядя Саша, – примирительным тоном произнесла Софья, глядя на владельца виллы хитрыми рысьими глазами. Босс – он босс и есть. И чего спорит? – Все сделаем, босс!

И, посмеиваясь про себя, бодро пошла по галерее в сторону ресепшн.

Смолев посмотрел ей вслед, покачал головой. Немного помедлил и постучал в дверь.

Она распахнулась, словно тот, кто открывал ее, и сам собирался уже выходить из номера.

– Теодорос, – кивнул Смолев. Он бросил мельком взгляд на тело, распластанное на полу и сморщился, как от зубной боли.

Одного взгляда ему было достаточно, чтобы понять, что

юрист умер насильственной смертью.

– Все-таки убийство? Самоубийство или несчастный случай отпадают?

– Убийство, убийство, господин Смолев, – в ответ поклонился старший инспектор. – Нет ни малейших сомнений. Кстати, вы вовремя! Мы тут уже все закончили. Я как раз хотел вас предупредить, что через несколько минут придут из морга забрать тело на вскрытие. Патологоанатом уже ждет, я договорился.

Алекс внимательно посмотрел на Антонидиса. Возбужден, почти счастлив. Что это с ним? Сияет, как начищенный пятак.

– Вы попали на след, старший инспектор? – поинтересовался Смолев.

– На след? Напал ли я на след? Я практически раскрыл это преступление! – утирая вспотевшую шею платком, гордо заявил полицейский, отступая в сторону и пропуская своих сотрудников, выходявших из номера. – Осталось лишь дождаться результатов экспертизы, которая подтвердит мою версию. Но это уже формальность.

– Причина смерти? – хмуро спросил Смолев, не спеша разделить энтузиазм старшего инспектора.

– Яд! Сильнодействующий яд. Следы от укола до сих пор видны на локтевом сгибе.

– Вот как? Но кто же убийца?

– За этим дело не станет, мы очень быстро его вычислим, –

пожал плечами глава уголовной полиции. – Уже сейчас ясно, что это медик, имеющий доступ к ядам, знакомый с убитым. Еще до конца дня мы выясним, кто именно совершил убийство и задержим преступника. Я думаю, что это дело войдет в учебники криминалистики как самое скоротечное. Не переживайте, Алекс, дело раскрыто – и больше на вилле «Афродита» ничто не потревожит покой постояльцев! Я вам за это ручаюсь!

Свежо предание!.. – недоверчиво подумал Смолев, вздохнул и ничего не ответил.

Часть четвертая

Умный человек никогда не делает сам все ошибки – он дает шанс и другим.

Сэр Уинстон Черчилль

На ужин помимо привычных блюд – мусаки с баклажанами и фаршем из молодого ягненка, ставшей визитной карточкой кухни «Афродиты», салата хорьятики со свежими овощами и белоснежным пластом сыра фета, запеченных овощей, кальмаров, фаршированных брынзой, зеленью и обжаренных на гриле, пирогов с картофелем, шпинатом и сыром – Петрос еще приготовил запеченную в йогуртовом со-

усе со специями нежную курятину с картофелем и томатами. Все было сервировано с отменным вкусом и уже ожидало гостей, которые должны были появиться с минуты на минуту.

Картину накрытого и готового к трапезе стола дополняли большие тарелки с твердыми островными сырами, розоватым вяленым мясом, блюдо с фруктами, виноградом и несколько бутылок с вином: белым – ассиртико, и красным – ксиномавро, по наименованиям сортов винограда, из которых они были изготовлены.

Вино прибыло накануне из погребов одного из лучших виноделов острова – старого Иоанниса Спанидиса.

Его сын Леонидас несколько месяцев назад принял у отца эстафету островного виноделия, возглавив семейную ферму с фруктовыми садами, виноградниками и оливковыми рощами. Теперь он ждет не дождется, когда из далекого Петербурга к нему вновь – в этот раз уже насовсем – приедет его русская невеста Ариадна, уехавшая улаживать вопросы с университетом. А там, как любит говорить генерал, «честным пирком да за свадебку!» Богата будет эта осень на свадьбы...

Белое вино охлаждалось в небольшом серебряном ведерке со льдом, красное было открыто и стояло на столе, постепенно насыщаясь кислородом в ожидании, когда его разольют по бокалам.

Вошедший первым в гостиную, благоухавшую ароматами только что приготовленных блюд, генерал Интерпола

невольно остановился, зачарованно потянул воздух носом, блаженно зажмурил глаза и добродушно рассмеялся.

– Саша, друг ты мой ситный! Как говорил один бывший наш однокашник, который содержит нынче в Хайфе сеть магазинов с «русскими» продуктами, – «шоб я так жил!»

– Помню, помню, – улыбнувшись, подтвердил Смолев, вошедший в гостиную вслед за генералом. – Ты про Леву Лидермана? Неужели сеть магазинов? Я всю жизнь считал, что он работает на израильскую контрразведку!

– Одно другому не мешает, – пожав плечами, лукаво улыбнулся генерал. Не теряя времени, он уселся за стол и расстелил на коленях большую домотканую салфетку с вышитым изображением резвящихся дельфинов. – Лева считает, что любой добропорядочный еврей должен быть непременно трудолюбив: помимо основного места работы он всегда должен «еще немножечко шить на дому». И в этом что-то есть... Я, ты знаешь, пожалуй, начну с мусаки!

– Конечно, – кивнул Алекс и, взяв в руки тарелку генерала, отправился к тому краю стола, где стояло глубокое блюдо с традиционной греческой запеканкой. – Кстати, он всегда любил повторять, что «на исторической родине имеет-таки вполне себе неплохой гешефт и еще кое-что!» Мы с ним за последние пять лет раза три всего говорили по телефону, как-то не довелось пока пересечься.

– Какие наши годы! Пересечетесь... А мне Лева, кстати, помогал много раз, когда возникала необходимость вый-

ти на контакт с израильскими спецслужбами, скажем так, неофициально... И совершенно безвозмездно, прошу заметить! Что называется, по старой дружбе. Но я о другом: ты даже не представляешь, как роскошно ты живешь, Саша!

– Почему? – польщенно улыбнулся Смолев, щедро накладывая широкой лопаточкой ароматную дымящуюся мусаку в тарелку генерала, питавшего слабость к этому блюду. – Вот, возьми, приятного аппетита!.. Очень даже себе представляю! И эта жизнь, Витя, меня вполне устраивает. Если бы не одно «но»! Мне не нравится, когда на моей вилле кто-то умирает не своей смертью. Как бы это не стало входить у нас в привычку. Придется тогда «Афродиту» переименовывать в «Персефону»...¹⁶

Смолев положил себе салата, разлил по бокалам белое асиртико: генералу и себе, а третий бокал, стоявший напротив третьего прибора, место за которым пока пустовало в ожидании старшего инспектора уголовной полиции, пока остался пуст.

– Это точно, – подтвердил глава бюро Интерпола, задумчиво наблюдая за Алексом. – Кстати, где наш общий друг, гений сыска? Говоришь, он раскрыл дело? И дня не прошло? Глядишь, такими темпами и сам скоро в генералы выйдет?

– Это он так считает, что раскрыл, – покачал головой Смолев, пригубил бокал с прохладным белым вином и замолчал,

¹⁶ в древнегреческой мифологии богиня царства мертвых, супруга властелина загробного мира Аида – прим. автора

прикрыв глаза и пытаясь уловить всю гамму вкусовых ощущений.

Отменное вино, сбалансированное, с нотками спелых фруктов – особенно явно проявились абрикосы, а еще – корица, мед и какой-то душистый цветок... Он сделал еще два глотка и одобрительно кивнул. Стефании понравится непременно. В прошлом году у Спанидисов в долине был отличный урожай.

Надо, пожалуй, закупить еще пару ящичков, решил он.

Генерал с пониманием следил за ним и не торопил с ответом.

– Так вот, утверждает, что раскрыл, – продолжил Алекс, ставя пустой бокал на стол. – А меня терзают смутные сомнения. Он в госпитале, ждет заключения патологоанатома. Считает, что убитому сделали смертельную инъекцию. Скоро должен быть, я пригласил его на ужин. Подождем! Скоро сам все расскажет...

Манн покрутил своей крупной и совершенно лысой головой, но ничего не произнес. Да и не смог бы – он сосредоточенно жевал, прикрыв глаза. Мол, все может быть: и так, и эдак. Чего только в этой жизни не бывает!

Какое-то время они ели молча, каждый думая о своем.

Когда в гостиную робко постучали, и на приглашение Смолева войти дверь запахнулась и впустила старшего инспектора Антонидиса, невооруженным глазом было видно, что полицейский уже не так бодр и уверен в себе, а скорее

наоборот – пребывает в тихой задумчивости, граничащей с растерянностью.

Он неловко мялся у входа, словно не совсем понимал, зачем он сюда пришел. Алекс встал из-за стола, чтобы встретить гостя.

Окинув цепким внимательным взглядом слегка поникшую фигуру старшего инспектора, Манн понимающе хмыкнул и весело подмигнул Смолеву.

– Похоже, генеральские погоны пока откладываются, – и, перейдя на английский язык, добавил: – Ну, и что вы там так неподвижно грустите, Антонидис? Еще немного – и с вас можно будет ваять скульптурный портрет «Скорбящий Ахилл на тризне по Патроклу»,¹⁷ причем, их обоих сразу... Что стряслось на этот раз?

– Дело оказалось несколько запутаннее, чем мне показалось с самого начала, господин генерал, – наконец, краснея, пробормотал глава уголовной полиции, приближаясь к обеденному столу. – И, если честно, я несколько сбит с толку.

– Это бывает, – благодушно кивнул генерал. – Но отчаиваться не следует ни при каких обстоятельствах. Проходите, хозяин вас заждался.

¹⁷ Герои троянской войны, описанной в «Илиаде» Гомера. Ахилл, царь мирмидонян, оскорбленный царем Агамемноном, отказался идти в очередную битву против троянцев. Его друг Патрокл, тайно надев царские доспехи, вступает в бой с защитником Трои – героем Гектором и гибнет от его руки. Узнав о гибели друга, Ахилл устраивает тризну, на которой предается скорби и печали – прим. автора

– Проходите, Теодорос, проходите, присаживайтесь, в самом деле! – радушно пригласил полицейского Алекс, усаживая нового гостя за стол на приготовленное для него место. – Вот, выпейте вина! Отличное вино из долины, что вчера привезли Димитрос с Леонидасом. Есть белое – ассиртико. Захотите – налью красного, ксиномавро. Выпейте, закусите, а потом обсудим дела. Ну что, белого?

И Алекс наполнил вином бокал, стоявший перед инспектором.

Старший инспектор, уже потянувшийся было к бокалу, но услышавший слова Смолева, вдруг резко отдернул руку и как-то странно взглянул на хозяина виллы.

– Что-то не так? – поинтересовался Алекс. Движение грека от него не ускользнуло. – Не хотите вина?

Теодорос Антонидис тяжело вздохнул, покачал головой и полез в во внутренний карман пиджака, откуда вынул несколько измятый лист с заключением патологоанатома. Он положил лист перед собой, смущенно разгладил его ладонями и вопросительно взглянул на генерала.

– Ну достали, – так уж читайте, – пробасил тот, махнув рукой. – Давайте уже выясним причину вашего расстройства.

– Видите ли, господин генерал, господин Смолев, я прочту вам... – начал было с несчастным видом старший инспектор, но закашлялся. – Глоток воды, если вас не затруднит, – просипел он, по-прежнему игнорируя бокал с вином.

Смолев налил ему в стакан чистой воды, и они с генера-

лом терпеливо ждали, пока голос вернется к старшему инспектору.

– Благодарю вас, благодарю, – начал снова Антонидис. – Так вот, я прочту вам выдержки из заключения патологоанатома. Итак: «...у трупа наблюдается выраженный цианоз. синие-серая, аспидная, местами „чугунная“ окраска кожи лица, ушных раковин, кончиков пальцев, слизистых оболочек губ, характерная для мет... метгем... метгемоглобинемии¹⁸. На вскрытии: кровь – темно-коричневого цвета, содержит мет... метгемоглобин. Переполнение кровью вен, большое количество мелких кровоизлияний на слизистых и серозных тканях. Причиной наступления смерти являются паралич дыхательного центра, острая сердечно-сосудистая недостаточность и прогрессирующие изменения в крови вследствие попадания в кровь смертельной дозы анилина (до шести граммов при смертельной дозе один-два грамма). Анализ содержимого желудка показал высокую концентрацию анилина в остаточном пищевом комке...»

Старший инспектор читал хоть монотонно и без выражения, но внятно, сбиваясь лишь в особо сложных местах, то и дело поглядывая по очереди на собеседников, словно извиняясь, что он отрывает их от важных дел. Те слушали, не перебивая, пока он не закончил.

¹⁸ состояние, характеризующееся повышенным содержанием метгемоглобина (окисленного гемоглобина) в крови и тканевой гипоксией, внешне характеризуется посинением кожных покровов – прим. автора

– Интересно девки пляшут, – недовольно буркнул по-русски генерал Манн, складывая приборы на полупустую тарелку. – Ну что ты будешь делать? Поужинали, называется!..

– Продолжайте, старший инспектор, – хмуро произнес Смолев по-английски. Он уже начал понимать, о чем идет речь. – Что еще нашли в желудке?

– Вино, – несколько виновато сказал Антонидис, косясь на наполненный бокал, стоящий перед ним. – Судмедэксперты считают, что с высокой долей вероятности можно предположить, что яд попал в желудок именно с вином, которое убитый пил накануне. А пил он – как я уже успел это выяснить – именно это и только это вино. В смысле, то вино, – заторопился поправиться начальник уголовной полиции острова, видя, как вдруг изменился в лице Смолев, – которое было ему поставлено в номер накануне. Бутылка красного ксиномавро и белого ассиртико. Прошу прощения, господин Смолев, если я вас расстроил, но факты таковы. Подробное заключение судебно-медицинской экспертизы мы получим через три дня.

– Твою ж дивизию!.. – выругался генерал и перешел на английский. – Вино изъяли? Что в оставшихся бутылках? Что в тех бутылках, из которых пил убитый? Они же должны были остаться в номере? Что в стакане?

– В том-то и дело, что яд обнаружен лишь в двух из четырех бутылок, изъятых при обыске из номера убитого. Одна пустая бутылка ксиномавро – концентрация анилина очень

высока. В пустой бутылке из-под ассиртико также найден анилин, но концентрация его ниже в разы. Я пока не очень понимаю, почему... В двух оставшихся недопитыми бутылках – почти непочатой ксиномавро и наполовину выпитой ассиртико – анилин вообще отсутствует. В стакане найдены остаточные следы этого химического вещества.

– Ясно, старший инспектор. Какие выводы вы делаете из всего этого? – прищурился генерал Интерпола.

– Совершенно очевидно, что вино было отравлено, господин генерал...

– Это уже полчаса как «совершенно очевидно», старший инспектор! Это все достижения вашей дедукции? Не густо! – рывкнул басом Манн, но затем смягчился: на полицейского и так было больно смотреть. – Как именно яд мог попасть в бутылки с вином? Это раз! Почему в номере убитого оказались четыре, а не две бутылки – это два! Откуда взялись еще две? Кто их принес? Вы выяснили этот вопрос? У кого из проживающих на вилле мог быть доступ к этому яду? Это три! Насколько я знаю, это вещь весьма специфическая, используется в химической промышленности в качестве растворителя для органических красителей или что-то в этом роде... Какого черта ему делать здесь? Где вообще на острове можно его раздобыть? И – самый главный вопрос – где пробки?

– Где что? – упавшим голосом переспросил Антонидис. По его лицу Смолев с Манном сразу поняли, что про

пробки старший инспектор не подумал.

– Пробки, Теодорос, винные пробки, – как можно мягче произнес Смолев. – Бутылки были запечатаны. Штопор есть в каждом номере, поэтому мы никогда не открываем бутылки заранее. Очевидно, что убитый сам открыл бутылки штопором. Возникает вопрос: где пробки? Исследовав их, можно понять, когда и как именно яд попал внутрь. Надеюсь, вы обнаружили пробки при обыске?

– Мы... Я... Нет, – промямлил несчастный Антонидис, немедленно пойдя красными пятнами, – но я немедленно распорядюсь! Номер был опечатан, и уборка в нем еще не производилась, так что пробки должны быть на месте.

– Займитесь, – кивнул генерал. – Что еще планируете предпринять?

– Я был вынужден, прошу меня простить и понять правильно, господин Смолев, – совсем тихо произнес старший инспектор, – был вынужден задержать одну из ваших горничных – Артеми, которая наводила накануне порядок в этом номере и оставила в нем бутылки с вином. Правда, она утверждает, что принесла всего две бутылки...

– Вы с ума сошли, Теодорос? – Смолев даже привстал. – Какого черта вам потребовалось задерживать горничную? Вы не могли с ней переговорить здесь?

– Я уже распорядился, чтобы сержант Дусманис привез ее обратно на виллу, после того, как ее показания будут должным образом запротоколированы, – словно извиняясь, раз-

вел руками старший инспектор. – Дусманис привезет их обоих.

– Кого «обоих»?

– Артеми, вашу горничную, и доктора... э-э-э... Караваефф, которого я был тоже вынужден задержать по подозрению в убийстве, так сказать, по горячим следам, но после такого заключения патологоанатома понятно, что дело не в инъекции... Доктор признал, что он делал капельницы убитому накануне, – тот страдал от гипертонической болезни и регулярно получал медицинскую помощь...

Смолев как стоял – так и сел. Сел, молча и выразительно глядя на старшего инспектора. Тому под красноречивым взглядом владельца «Афродиты» явно было не по себе. Он сбился и не смог закончить фразу.

– Это пока все арестованные вами на сегодня? Или еще чем порадуете? – выждав паузу, пробасил Манн, с иронией наблюдая за старшим инспектором. – А почему вы не начали с виноделов? С Аманатидиса и Спанидиса? Это же они привезли вино на виллу. Вдруг яд попал в вино еще на винодельне! Десяток подозреваемых из числа работников там точно наберется. Могли бы арестовать и весь персонал виллы, имеющий доступ к жилым помещениям, почему ограничились только одной горничной? Почему еще не арестована управляющая, владелец «Афродиты», в конце концов? Какого черта повар все еще на свободе? Я уже молчу о садовнике!

Здесь старший инспектор поднял глаза на генерала, видимо, всерьез собираясь ответить ему по существу, почему повар и садовник не попали под подозрение, но переведя взгляд на Смолева и увидев улыбку, которую тот старался изо всех сил сдержать, покраснел еще больше и снова уткнулся взглядом в скатерть.

– Антонидис, вы меня удивляете, – продолжал генерал уже серьезнее. – Не хватайтесь за первую попавшуюся версию. Ищите мотив! Для этого необходимо опросить жильцов, приехавших вместе с убитым. Только опросить, а не арестовывать! Это все работники одной российской фирмы, – совершенно очевидно, что лишь кому-то из них должна быть выгодна смерть несчастного юриста. Немедленно свяжитесь с управляющей, она вам поможет в переговорах с русскими в качестве переводчицы. Поговорите со всеми, потом приходите. И ищите пробки! Я отправлю семью на материк, а сам задержусь на пару дней, мне уже самому становится интересно, чем все это закончится. Но вмешиваться на этот раз в расследование мы не будем. Вы ведете дело – вам и карты в руки. Захотите посоветоваться – приходите, буду ждать вашего доклада завтра утром после завтрака.

Старший инспектор неловко встал, едва не опрокинув стул, благодарно кивнул, что-то пробормотал и, стараясь не встречаться взглядом со Смолевым, быстро покинул гостиную. Ни к пище на столе, ни к вину он так и не притронулся.

Генерал какое-то время сидел молча, сумрачно барабаня сильными пальцами по поверхности стола. Алекс что-то искал в своем мини-айпаде, быстро пролистывая одну страницу в Сети за другой.

Наконец, Манн первым нарушил повисшую в гостиной тишину:

– А мы-то с тобой думали, что «несчастный случай» произойдет на трассе. А ты смотри, как оно повернулось. Кто-то очень спешит... Получается, что юрист этому «кому-то» сильно мешал. Или покойный при жизни что-то знал, и «кто-то» решил заставить его умолкнуть, – не исключаю тут и элемента шантажа со стороны юриста.

– Вот именно, – согласился Смолев. – Или дело вовсе не в юристе... Мне пока непонятно, откуда взялись лишние две бутылки. Чьи они? Это можно будет быстро выяснить. Общее количество бутылок нам известно, с этим мы разберемся... И я по-прежнему думаю, что это как-то связано с предстоящим кроссом по горам и последующим разделом долей в «Зодиаке».

– Почему?

– А вот послушай, Витя, я тебе прочту, – сказал Алекс, развернув пошире на айпаде открытую им страницу. – Я все мучительно вспоминал, откуда я помню про анилин. Кроме известных анилиновых красок, которые, надо сказать, достаточно ядовиты сами по себе, у него есть еще одно применение. Послушай: «Различные соли и реактивы на осно-

ве анилина используются в качестве добавок к топливам и смазочным маслам в процессе очистки». Другими словами, его используют как присадку для очистки бензина или масла, особенно, когда двигатель собираются эксплуатировать в критическом режиме, на пределе его мощности. Например, во время соревнований. Усекаешь? Ты что-нибудь понимаешь в мотоциклах и их обслуживании? И я маловато. Сдается мне, пора нам пообщаться с Ильичом и его командой!

Часть пятая

Не относись к словам женщины слишком серьезно.

Чингисхан, сутра «Ключ разума»

Старший инспектор Теодорос Антонидис тосковал. Хоть, разумеется, и старался не показывать виду: задавал однотипные вопросы каждому приглашенному для беседы, внимательно выслушивал перевод ответов, кивая и аккуратно занося их в бланк протокола опроса свидетелей. Размышлял, затем снова задавал вопросы и снова ждал, пока София переведет их на русский, собеседник что-то ответит инспектору на непонятном для него языке, а управляющая сообщит уже приглаженную английскую версию, которую он сможет обдумать, пометив для себя отдельно в записной книжке наиболее важные моменты.

Разговор со свидетелями велся в восьмом номере на большой галерее, той же самой, где находились номера гостей из Санкт-Петербурга. Номер из резерва гостиницы был быстро приспособлен под кабинет: туда внесли небольшой письменный стол и еще пару стульев. Тесновато, душновато – кондиционер в номере отсутствовал, а окна выходили на галерею и в тамбур, но для целей следствия он вполне годился.

В голове у начальника уголовной полиции стоял легкий

звон, под ложечкой уже давно подсасывало от голода. Пытаясь обмануть организм, он выпил уже три бутылки воды и, отдуваясь, утирал огромным белоснежным платком крупные капли пота, катившиеся по лицу.

Хотелось выйти на открытый воздух, подставить лицо свежему мельтеми, прийти в себя. Да и есть уже хотелось очень. На завтрак он съел лишь салат из свежих овощей да выпил две кружки черного кофе. Обед пропустил, а на ужине у Смолева перекусить постеснялся, хоть и пахло в гостиной так, что живот сводило от голода. Но под взглядами Манна и Смолева ему и кусок в горло не полез бы.

Оплошал, он и сам это понимал. Сам виноват. Поторопился. Как и тогда, в деле с убитым нотариусом. Снова вышло недоразумение! Особенно с этими чертовыми пробками! Обыскали весь номер, – нет пробок, как сквозь землю провалились!

Антонидис тягостно вздохнул и в очередной раз дал себе зарок – не спешить с выводами. Теперь-то он уж это дело разберет по частям, по винтику, по гаечке...

Опрос свидетелей длился уже более двух часов.

Сначала начальник уголовной полиции допросил работников виллы, здесь много времени не потребовалось. Впрочем, и толку было тоже немного. В номер, кроме горничной Артеми накануне, никто не входил, вина – дополнительных две бутылки – не приносил. На ресепшн юрист с жалобами или просьбами не обращался, после ужина заперся у себя

в номере. Больше из персонала его никто не видел до следующего дня, до того самого момента, когда Катерина обнаружила труп. Работников виллы Антонидис отпустил, так ничего и не прояснив для себя.

После них по одиночке стали подходить русские туристы. Вот с ними-то у старшего инспектора допрос и забуксовал окончательно. Ничего, что могло бы пролить хоть маломальский свет на причины смерти жильца из второго номера, он пока так и не обнаружил, но зато услышал много нелестного в собственный адрес.

Не клеился у старшего инспектора разговор с сотрудниками «Зодиака».

Антонидис не мог их понять, подобная черствость ему была в новинку. Вели они себя так, будто ничего не случилось. Ну, или, как минимум, случившееся на вилле их не касалось совершенно. Все, что старший инспектор сумел пока выяснить, так это тот удивительный факт, что к убитому никто не питал ни явной вражды, ни приязни. Равнодушие – скорее так можно было охарактеризовать общий эмоциональный вектор. Юрист отработал в «Зодиак» три года, его ценили за профессиональные качества, но и только. Близких друзей среди приехавших на виллу у погибшего не оказалось.

Пришедший первым на разговор Руслан Василенко – коммерческий директор «Зодиака» – в ответ на новость, которую сообщила Софья, расстроено покивал, но на этом его

сочувствие к погибшему юристу и закончилось. Василенко говорил торопливо и односложно, в основном отвечая на вопросы «да, нет, не помню». Было видно, что он очень спешит по своим делам. Разговор с ним занял всего десять минут, после чего, извинившись, он торопливо ушел.

Петр Истомин, которого с ужина под руку привела жена, был в состоянии тяжелого подпития, смотрел на полицейского жестким и угрюмым взглядом исподлобья и совершенно ничего не понимал из того, что ему говорили. Если и открывал рот, то смачно произносил что-то настолько витиевато-многоэтажное, что Софья, покраснев, отказывалась переводить. Трижды задав ему один и тот же вопрос и не получив никакой реакции, старший инспектор сдался и отложил разговор с техническим директором «Зодиака» до завтрашнего утра, когда тот, возможно, протрезвеет и придет в себя.

Генеральный директор «Зодиака» вообще заявил, что ни в какое умышленное отравление он не верит, скорее всего его бывший помощник перебрал с вином – такой грешок за ним и раньше замечали, и не раз, а проблемы с сосудами у него были давно. Тяжелые гипертонические кризы случались у него раз в полгода. И путешествие он тяжело переносил, – недаром уже вторую неделю на капельницах. А может, сам сдуру перепутал чего и выпил, что с пьяного дурака взять!

Литвинов вообще вел себя крайне несдержанно: перебивал, сам сыпал вопросами. Было видно, что он возмущен,

злится и не верит ни единому слову старшего инспектора. Кстати сказать, гораздо больше руководитель «Зодиака» был обеспокоен не смертью коллеги, а задержанием доктора Караваева.

Генеральный директор рвал и метал, говорил, что доктор – не просто врач, а врач экспедиции, что у него большая программа подготовки спортсменов перед заездом, до которого всего несколько дней, и что старший инспектор не имел никакого права задерживать Караваева без всяких на то весомых доказательств, и что он, Литвинов, будет жаловаться во все инстанции, дойдет до российского консула и найдет управу на этот полицейский произвол...

Антонидис терпеливо кивал, утирал взмокший лоб платком, разводил руками, внимательно слушал, соглашался.

Когда Литвинов выпустил пар и несколько успокоился, полицейский успел задать ему несколько вопросов по существу. Но ответы ничего не прояснили в общей картине происшествия. Все еще фыркая и побулькивая от возмущения, как перекипевший чайник, Литвинов выдавал информацию рублеными фразами:

– Приехали на остров, сходили в таверну, потом отдыхал с женой в номере, потом поужинал вместе со всеми, а с утра уехал с другими директорами проверять мототехнику. У нас заезд скоро! Дел по горло, а времени в обрез! Затем до обеда втроем с Петром и Русланом проверяли маршруты. На завтра назначен пробный выезд, вопросов нерешенных масса,

а вы тут со своими глупостями лезете! Сами выясняйте, почему этот балбес умер: может, сердце отказало на такой жаре после вина! Что? Я вообще не пью, это мой принцип. Кто мог желать его смерти? Понятия не имею! Меня это не касается – у меня дела поважнее!

Старший инспектор снова вздохнул и отпустил руководителя «Зодиака». Тот вышел, громко хлопнув дверью. Софья неодобрительно покачала головой.

– Как вы себя чувствуете, Теодорос? – участливо поинтересовалась она, видя, что старший инспектор очень устал. – Может быть, мы перенесем и женщин на завтра? Все равно надо будет общаться с Истоминым. Правда, к вам рвется Аделаида Павловна, это жена Караваева, говорит, что хочет сделать важное заявление.

– Важное заявление? Ну наконец-то! – встрепенулся глава уголовной полиции, с усилием беря себя в руки. – Это уже кое-что! Приглашайте, а с остальными, и в самом деле, я общаюсь завтра.

Управляющая позвонила по телефону, было слышно, как где-то рядом с шумом распахнулась дверь и мужской дребезжащий голос простонал по-русски: «Ада, я тебя умоляю, держи себя в руках, ради всего святого!» И решительный женский голос ответил: «Толя, я им все скажу, будь спокоен, правду, только правду и ничего, кроме правды!»

По галерее прозвучали торопливые шаги, дверь распахнулась, и в номер бушующим торнадо ворвалась разгневанная

и кипящая Аделаида Павловна Караваева. Она была в ярком цветастом платье, от которого рябило в глазах. На груди красовалась дешевая аляповатая брошь из искусственного янтаря. Глаза ее горели праведным гневом.

– Я пригласил вас, чтобы задать вам несколько вопросов в связи со смертью... – привстав из-за стола, начал было стандартную процедуру старший инспектор, несколько пораженный видом свидетельницы, но договорить ему не дали.

Аделаида Павловна, раздраженно махнув на него рукой, обратилась к Софье.

– Что он там бормочет, супостат этот, все равно ничего не понимаю! Вы, милочка, переведите этому аборигену, что моему возмущению просто нет границ! Это что же такое делается, а? Мы приехали отдохнуть, но мой несчастный муж – просто как какой-то раб на галерах! С раннего утра каждый день на ногах: то одно, то другое! Что ни случись – всегда Караваев, во всем виноват Караваев! Кто-то заболел – Караваев, массаж этим вертихвосткам – и тут Караваев! Мало у него основной работы с директорами? Умер Сашка беспутный – и снова Караваев! Да когда ж это закончится? Где справедливость, вот я вас спрашиваю?

– Аделаида Павловна, – примиряюще улыбнулась управляющая, вставая и придвигая стул гостье. – Присаживайтесь! Поверьте, старший инспектор – очень хороший человек, честный и порядочный. Просто он погорячился, с кем не бывает! Но свою же ошибку сам и исправил, ведь Ана-

толия Петровича немедленно вернули, принесли ему извинения, он даже на ужин не опоздал! А со стороны виллы мы обязательно придумаем для вас подарок, чтобы сгладить этот неприятный инцидент. Помогите нам, пожалуйста! Старший инспектор хотел бы задать вам несколько вопросов.

– Хотел бы, ишь!.. Он хотел бы! Понятное дело! – усаживаясь с победным видом, ответила Аделаида Павловна. – Конечно, кто кроме меня вам хоть слово скажет правды про этот террариум единомышленников! Меня и спрашивать не надо, сама все скажу, как на духу!

Антонидис пытался было открыть рот и снова о чем-то спросить, но Софья покачала головой. Она села рядом с инспектором и стала быстро переводить ему то, что лилось неудержимым потоком из уст Аделаиды Павловны.

– Вот меня взять, я в «Зодиаке» этом уже семь лет тружусь! И что, думаете, заметит кто, если завтра помру? Да всем плевать! Это же надо, какое отношение к сотрудникам! А все почему? А я вам так скажу: рыба гниет с головы! Это все Литвинов, генеральный наш. Он во всем виноват! Эгоист и мерзавец, каких поискать!

– В чем виноват Литвинов? – восторженно спросил Антонидис, услышав перевод, но шансов вставить слово в этот бурный поток эмоций у него не было никаких.

– Ты, мил человек, погоди! Я сама дойду до главного, лучше меня не перебивать! – уверенно кивнула Аделаида Пав-

ловна и продолжала: – Сашка юристом работал, днями и ночами на работе этой проклятущей ночевал. Уж волос на голове не осталось, – а ни семьи, ни детей. Почему и говорю, что беспутный – семья для мужчины первое дело, жена, детки. А он – то с одной секретаршей путался, то с другой. Как юрист, правду сказать, был хорош – тут у него не отнять. Мне в свое время помог с квартирным вопросом, а то до сих пор бы судилась! А вот с моральной стороны – дрянь был человечиска. Да и генеральный наш не лучше: жену свою довел уже, стыдно сказать, – ни одной молодой юбки на работе не пропустит. Мол, работаю круглосуточно! Знаем мы эти ваши «круглосуточно», ни стыда, ни совести! У-у! Мужики! Глаза ваши бесстыжие! – сурово погрозила она пальцем совершенно ошеломленному ее напором Антонидису. – Я на директорском этаже вроде прислуги и мамки: готовлю, убираю, всего насмотрелась! Те же жены директорские, чуть что, ко мне бегут, кто за советом, кто пожаловаться – утешай их! Утешаю, куда деваться... К слову сказать, Злата была умница, красавица, характер – золотой! А сейчас что? Это же не человек! Это тень! Раздражительная, слова не скажи! Сколько раз видела ее плачущей у нас, чаями да отварами сибирскими отпаивала бедную девочку! Мерзавец этот Литвинов, мерзавец и есть! До чего жену довел, за одно это надо сажать! Ничего, найдется и на него управа! Сколько веревочке ни виться!..

Каравалева схватила со стола бутылку с водой и сделала два

больших гулких глотка. Старший инспектор понял: сейчас или никогда!

– Ради бога, спросите у этой женщины, когда она в последний раз видела убитого, – торопливо взмолился он, обращаясь к Софье. – Иначе мы до утра не закончим!

Софья быстро задала вопрос.

– Так, а чего, – на мгновенье задумалась Караваева. – Вчера и видела. После ужина. Мы с Толей поздно с ужина возвращались, ему надо было закончить что-то по работе, записи внести в медицинские карты. Считайте, на час позже вышли к ужину. А возвращались когда, смотрю, – Сашка бежит, и, главное, две початые бутылки с вином в руках тащит. Я ему еще тогда сказала, мол, Сашенька, не пей, ты же на капельницах вторую неделю, ну куда это годится? Для чего? Здоровье бы поберег! А он только смеялся, мол, Ада, один раз живем, на халяву, мол, и уксус сладок! И в номер свой, значит. Ну, а мы отдыхать пошли. Я к себе, а Толя – к себе. У него с раннего утра прием, а я если не высплюсь, – у меня чудовищная мигрень! И аппетит сразу пропадает, будто его и не было...

– Вы хотите сказать, – сумел вклиниться воспрянувший духом Антонидис, – когда вы его вчера встретили после ужина, у него в руках были две бутылки вина, красного и белого, и они уже были открыты? Софья, переведите, это очень важно!

– Ну да, – недоуменно кивнула Аделаида Павловна, вы-

слушав управляющую. – Я же говорю, початые! Красного и белого, так и есть. Видно, что часть уже отпили, хоть и немного. Он их еще так за горлышки держал, чтобы не расплескать и вот так большими пальцами зажимал.

Она показала, как именно юрист держал бутылки, вытянув вперед руки, сжатые в кулаки.

– Ясно, – сказал полицейский, что-то лихорадочно записывая в свой блокнот. – А что она может сказать про других директоров? И были ли у убитого враги? Кто мог желать ему зла?

Аделаида Павловна хмыкнула.

– А чего не могу? Конечно, могу. Про всех все скажу. Истомин Петька – алкоголик. Жалко его, трудяга был всю жизнь, руки золотые. Говорят, еще рабочим в СМУ¹⁹ начал, потом мастером стал. Это потом они уже вдвоем с Литвиновым и организовали «Зодиак». У того амбиций побольше было, он в генеральные полез с самого начала. А Петька пахал, света божьего не видя. На его горбу Литвинов и озолотился. Все у Петьки было: жена, дочка – до той аварии злосчастной. То ли он заснул за рулем ночью, то ли уставший был, но от встречного автобуса увернуться не сумел. Девять месяцев по больницам, сам весь ломаный-переломанный. А жена с дочкой прямо там, на месте... Их даже без него хоронили, он только потом на могилки пришел, когда смог ходить. Двое суток у могилки просидел, пока друзья не увез-

¹⁹ строительно-монтажное управление – прим. автора

ли. Да и что сидеть: ни жены, ни дочери уже ведь не вернуть... Очень, говорят, любил их. С того момента стал пить, раньше-то за ним не водилось. Пытался снова все начать, женщину найти хорошую, да по клубам и ресторанам разве такую найдешь? Вон, подцепил вертихвостку! Эта Ирка – глаза бесстыжие! На шее у него сидит, то одно ей подавай, то другое. А сама шашни крутит, никого не пропускает! Тут иду с обеда, слышу смех и возня какая-то в садике у вас, пригляделась: батюшки святы! Ирка с этим, как его, молодым, из механиков. Шалава она шалава и есть! И что Петька в ней нашел!

Аделаида Павловна снова промочила горло, одним большим глотком допив воду из бутылки.

– А что вы можете сказать про Василенко? Про коммерческого директора? – по просьбе Антонидиса озвучила вопрос управляющая.

Аделаида Павловна словно споткнулась. Она снова взяла в руку бутылку, словно собираясь из нее выпить, но бутылка была пуста. Старший инспектор внимательно за ней наблюдал.

Аделаида отчего-то занервничала, стала теревить свою брошь из искусственного янтаря. Потом все-таки ответила, но немногословно и будто нехотя.

– Про Руслана так скажу – самый порядочный из всех. Пришел в «Зодиак» еще до меня, лет десять назад. До коммерческого дорос, долю в компании получил. Женат на хо-

рошей женщине. Ничего плохого не знаю, зря наговаривать не буду.

– Так кто все-таки хотел желать убитому зла?

– Да кому он был нужен? – снова прорвало Аделаиду Павловну. – Сашка-то? Да я же говорю, он целыми сутками работал: все документы какие-то готовил. Помню, зашла как-то в его кабинет убраться, а он спит на тахте. А вокруг бумаги разбросаны по полу: листы, листы. Все исчеркано. Стала подбирать с полу, да на стол аккуратно складывать. Думала, может выбросить что ненужное, заглянула, а там все про какое-то или «слияние», или «поглощение», или передачу акций, – ничего в этом не понимаю! Так ничего выбрасывать не стала, все сложила аккуратно стопками ему на рабочий стол. Он так и не проснулся. Утром, правда, сильно меня ругал, мол, я ему два разных документа перепутала. Мол, ходил к директорам с докладом, а листы не те оказались. Получил нагоняй. Подумаешь, велика важность!

– Кого вы подозреваете в возможном покушении на него? – из последних сил задал вопрос старший инспектор.

– Да до чего ж он бестолковый, этот ваш инспектор, милочка! – возмущенно тряхнула головой Караваева. – Я же ему сказала уже три раза, что никому Сашка не был нужен, не было у него врагов в «Зодиак». Я бы знала, я там каждый день кручусь с утра до вечера. Он же у директоров тоже вроде обслуги был, хоть внешне, вроде, как в друзьях.

А на самом деле – принеси, подай! Литвинов его шпынял вечно, даже кличку ему придумал «Лысый». Взрослому-то парню разве не обидно? Но Литвинову было плевать. Ему вообще на все и на всех плевать. Мерзавец, говорю же, как есть мерзавец! Сашка сильно по этому поводу переживал, только виду не показывал. Боялся работу потерять, говорил: «Кто, мол, Ада, за меня мою ипотеку платить будет? Пушкин?»»

– Пушкин – это тоже работник «Зодиака»? – поинтересовался совершенно запутавшийся Антонидис.

– Нет, нет, – улыбнулась Софья. – Пушкин – это наше все! Это великий русский поэт, это поговорка такая, я вам потом объясню!

Антонидис, отчаявшись понять, перешел к другой теме.

– Скажите, а когда вы встретили Клименко вчера, вы заметили откуда именно он шел? Может быть, он выходил из какого-то номера?

– Так мы когда на галерею спустились с верхней террасы по левой стороне, так и пошли. У нас номера шестой и седьмой, а у него – второй. Вот навстречу нам и попался, считай, на середине пути. А уж откуда шел, не знаю. Он не сказал, а я не спрашивала. Ладно, пора мне.

Аделаида Павловна встала, уперев руки в бока, и свысока посмотрела на замученного старшего инспектора.

– Все, что хотела сказать, я сказала. А вы думайте! Ехали отдыхать к вам сюда, а вон поди ж ты! Кто ж знал, что все

так обернется? Вы полиция – вы и разбирайтесь! И что это за отпуск такой, я вас спрашиваю? А? Может мне кто-нибудь хоть что-нибудь объяснить?

Не дождавшись ответа, Караваева презрительно хмыкнула и вышла из номера с гордо поднятой головой с видом человека, исполнившего свой гражданский долг.

Теодорос Антонидис в полном изнеможении, откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и покачал головой. Управляющая виллой посмотрела на него с искренним сочувствием.

Часть шестая

*Иногда, идя назад, ты идешь вперед.
Из к/ф «Лабиринт»*

– Ну вот, как-то так, – эффектно встряхивая копной рыжих волос, сказала Софья, выключая диктофон, лежавший на скатерти. – Сами видите, что от этих разговоров толку немного.

Было раннее утро, и солнце, вставшее над горизонтом, еще не успело раскалить каменный лабиринт Хоры, но уже заливало ярким светом и сад, едва просохший от утренней росы, и террасы, и номера виллы, окна которых выходили на восток. На круглых белых часах, висевших на стене, большая стрелка застыла рядом с цифрой семь.

Смолев и Манн сидели за большим овальным столом в гостиной на хозяйской половине.

Все время, пока расположившаяся напротив управляющая рассказывала им, как прошел допрос свидетелей, и прокручивала запись на электронном диктофоне в тех местах, где, по ее мнению, прозвучало хоть что-то стоящее, Алекс и генерал спокойно и размеренно завтракали, не перебивая и не задавая никаких вопросов, внимательно слушая запись и комментарии к ней. Лишь в самом конце Смолев вдруг нарушил молчание, попросил отмотать запись допроса на-

зад и запустить снова воспроизведение с того момента, как в восьмом номере оказалась Аделаида Павловна Караваева.

Молчаливым кивком генерал подтвердил просьбу Алекса. Они так внимательно слушали этот отрывок, что даже забыли про кофе, дымившийся в кружках.

– Совершенно вздорная тетка, – едва дождавшись, пока закончится запись, весело произнесла Софья. – Была у меня в Питере соседка по лестничной клетке – так один в один! Дядя Саша, да ты ее помнишь! Глафира Петровна! Ну, помнишь ведь? Из шестнадцатой? Никому не давала рта раскрыть, вечно: «Бу-бу-бу!..» Все про то, как лучше в советское время всем жилось, и о том, какая нынче молодежь плохая, что пенсионеров не уважает! Кругом, мол, алкоголики и тунеядцы, наркоманы и проститутки! Она сама в Питер приехала из Ленобласти, из какого-то поселка рядом с Пикалево. Платья носила такие же, в такой яркой «боевой» раскрас, что в глазах рябило. Никого не слушала, всех перебывала. В ларьке на «Северном» рынке торговала, пока его не снесли. С тех пор еще злее стала. Вот так и Аделаида слова не давала вставить старшему инспектору. А я, глядя на нее, все думала, кого же Ада мне напоминает? Антонидис, бедолага, с ней замучился – это надо было видеть! Наговорила нам с три короба, а по сути – почти ничего...

Смолев покачал головой, переглянувшись с Манном. Генерал снисходительно улыбнулся.

– Что-то не так? – удивленно спросила Софья, переводя

взгляд с одного на другого. – Я не права?

– Ты понимаешь, Рыжая, – медленно подбирая слова, проговорил Алекс. – Допрос или даже просто беседа со следователем для любого обычного человека – всегда сильный стресс. Даже если он ни в чем не виноват. Как правило, люди либо ведут себя тихо, нервничают, стараются поскорее закончить эту неприятную для них процедуру, либо – наоборот, впадают в сильные эмоции: раздражаются, злятся, иногда паникуют. В этом смысле, как раз реакция Литвинова была совершенно естественной: у него были агрессия, злость, раздражение. Характер у него такой, да и не привык генеральный директор холдинга отвечать на неприятные вопросы, скорее привык сам их задавать. Василенко тоже был вполне естественен в своем желании поскорее увильнуть. А вот что значило это выступление Караваевой в формате «стэндап»,²⁰ нам еще предстоит разобраться.

– Да ладно, дядя Саша, – недоверчиво покрутила головой управляющая. – Просто деревенская тетка, не слишком образованная: «что вижу, то пою!» Таким только дай трибуну, – они голосить могут часами!

– Деревенская и не слишком образованная? – переспросил Смолев и недоверчиво хмыкнул. – Интересные для необразованной женщины у нее проскакивали словечки: «террариум единомышленников», «абориген» или «амбиции», на-

²⁰ комедийное искусство, в котором комик выступает перед живой аудиторией, обычно общаясь напрямую со зрителями – прим. автора

пример. Или «слияние и поглощение». Это в какой же деревне у нас так разговаривают? А потом, ты хочешь мне сказать, что, подбирая с пола разбросанные бумажки в кабинете юриста несколько месяцев назад, она, лишь бросив взгляд на сложный юридический документ, прочла эти два слова и запомнила их сразу? Чтобы вот так вчера с ходу и без запинки озвучить Антонидису? Сомнительно мне что-то. Вероятнее всего, было так: она детально изучила документ. Не вяжется это как-то с образом «деревенской тетки», хоть она и усиленно на этот образ работает: «супостат», «милочка», «шашни», «батюшки святы». Сдается мне, что она гораздо умнее и образованнее, чем кажется. А из образа вышла потому что ты переводила на английский, и Антонидис все равно бы не оценил, вот она и расслабилась немного. Она же не знала, что ты ее по моей просьбе будешь записывать на диктофон, а мы прослушивать будем. Здесь она прокололась... Караваяева вчера пришла сказать старшему инспектору что-то очень важное, и она это сказала. Вопрос в том, понял ли старший инспектор, и правильно ли мы услышали...

– А ведь ты прав, дядя Саша, – немного подумав, согласилась Софья. – Я сразу не обратила внимания и еще вчера устала очень с непривычки: давно переводчицей не работала. Что тогда все это значит?

– Все верно, – подтвердил генерал, встав из-за стола и хлопнув Смолева по плечу. – Запрошу-ка я прямо сейчас

у коллег в Санкт-Петербурге на всех ваших гостей подробную справку. И на эту мадам тоже. А что все это значит – пока не ясно... Ясно одно: она наводит нас на очевидную версию убийства юриста с мотивом и возможностью.

– Какую версию? – изумилась Софья, крутя головой и переводя взгляд с Манна на Смолева. – Но, дядя Витя... Дядя Саша! Она же ничего такого не сказала!

– Она дала понять, Рыжая, что Литвинов – подонок и мерзавец. Совершенно разложившийся морально человек, у которого нет ничего святого. Это раз! – Смолев, верный привычке все раскладывать по полочкам, стал разгибать пальцы на правой руке. – Что он с легкостью готов перешагнуть как через собственную жену, так и через коллег по работе. Это два! Что до того, как его отравили, юрист по заданию босса готовил важные документы, касавшиеся «слияния и поглощения», другими словами, возможной продажи компании, и делал это в секрете, поскольку, когда он перепутал по вине Караваевой – не исключено, что она сделала это с умыслом – несколько страниц, ему крепко влетело от Литвинова, который вероятнее всего не хотел, чтобы эта тема всплыла. Это три! Вот и мотив.

– Это точно, – подтвердил генерал, вернувшийся за общий стол с айпадом. Он быстро отправил сообщение по электронной почте и сидел, прихлебывая остывший кофе из большой кружки. – Классика жанра: «он слишком много знал!» И мог проболтаться. Или хотел проболтаться. Или

угрожал, что проболтается!.. Понимаешь, девочка, о чем я?

– Шантаж? – подхватила Софья, весело блестя глазами. – Так все тогда понятно! Получается, что он шантажировал своего босса, что расскажет про его планы продажи компании остальным директорам, и тот его убил! Так вот оно, в чем дело! Надо сказать Антонидису, чтобы он поскорее арестовал Литвинова! И дело раскрыто!

Смолев аж поперхнулся остывшим кофе, пролив его на скатерть и едва не загубив свою белоснежную сорочку.

– Я тебе скажу! – беззлобно погрозил он кулаком своей управляющей после того, как вытер губы и подбородок бумажной салфеткой. – С ума сошла? Доведете вы меня до инфаркта на пару с этим «Мегрэ»! Ты что, Антонидиса первый день знаешь? Старший инспектор, конечно, парень добросовестный, но увлекающийся и подверженный фантазиям. Он сначала арестует, потом будет искать доказательства. Знаем, уже проходили! А надо все делать наоборот. Поэтому будем помогать ему по мере сил.

– Да, я заметила, что он мало понимает в происходящем, – по-прежнему весело хихикнула Софья. – Русская душа для него – потемки! С Пушкиным – вы же слышали – было очень смешно. Он решил, что Пушкин – работник «Зодиака»! Странно, я думала, что все знают, кто такой Пушкин!

Генерал в свою очередь насмешливо хмыкнул и, выбив дробь пальцами по столешнице, спросил, лукаво блестя глазами:

– А ты, красна девица, получается, знаешь, кто такой Пушкин? И все-все про него знаешь?

– Дядя Витя, – несколько растерянно произнесла управляющая, – конечно, знаю! Великий русский поэт и писатель, друг декабристов, погиб на дуэли с Дантесом, защищая честь жены... И про жизнь с Натали, и про ссылку на Кавказ и в Михайловское. И про любовь к Анне Керн, как можно этого не знать?! Пушкин – это наше все! Его в школе проходят еще в начальных классах! «У Лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...» Потом, я же из Питера! Я на Богатырский проспект к бабушке ездила в гости каждые выходные, там до места дуэли на Черной речке пешком три минуты!

Генерал подмигнул Смолеву. Тот улыбнулся, он уже понял. Генерал сейчас удивит Рыжую. Но это всего лишь эмоциональная разрядка после прослушивания записей. Где черти носят Антонидиса? Уже должен был появиться, теперь им точно есть что обсудить.

– А что, девочка, если я тебе скажу, что Александр Сергеевич Пушкин вовсе не был убит на дуэли Жоржем Дантесом, своим близким другом и родственником? Что, если «дуэли» никакой вовсе не было, а была инсценировка? Что, если он прожил жизнь долгую, творческую, написав еще массу гениальных произведений, пусть и не в России, а в другой стране, и не на русском, а на другом – практически родном для себя – французском языке? И звали его после «дуэли» и «липо-

вых» похорон уже не Александр Пушкин, а Александр Дюма? И знаменитые «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо», «Графиня де Монсоро», «Сорок пять» и еще сто тысяч страниц гениальных произведений написал именно он, Пушкин Александр Сергеевич? А? Как тебе такой поворот? Что молчишь?

В гостиной повисла немая пауза. Совершенно ошеломленная Софья переводила изумленный взгляд с широко улыбавшегося генерала на своего патрона – хозяина виллы, который тоже улыбался, но самыми краешками губ.

– Дядя Саша, – произнесла она наконец умоляюще, – это шутка такая, да? Вы же оба не всерьез?

– Понимаешь, Рыжая, – сказал Смолев задумчиво. – В истории есть такие моменты, когда слишком большое количество совпадений дает возможность выдвигать гипотезы, порой совсем фантастические... И иногда все совсем не так, как кажется на первый взгляд.

– И... И у вас есть доказательства? – тоненько спросила Софья, запинаясь и глядя во все глаза на генерала Интерпола. – Что Пушкин и Дюма – одно и то же лицо? Но как? Почему? Зачем? Кому это было нужно?

В этот момент в дверь постучали. Судя по неуверенному стуку, это был старший инспектор уголовной полиции Накоса.

– Входите, Теодорос, там открыто! – переходя на английский, громко произнес Смолев и, повернувшись к Софье,

сказал снова по-русски: – Рыжая, давай мы так поступим: сначала разберемся с делами, а потом – я обещаю – мы в деталях обсудим с тобой эту гипотезу, идет? А сейчас иди, помоги Катерине. Как она, кстати, пришла в себя?

– Да, – вставая, подтвердила Софья. – Ей уже гораздо лучше. Хорошо, я буду на «мостике», звоните, если что.

И она направилась к выходу.

– Доброе утро, старший инспектор! – по-английски поприветствовала управляющая входившего полицейского. – Завтрак накрыт и ждет вас!

– Спасибо, спасибо большое, – ответил Антонидис, держа платок в руках. – И огромное спасибо за вашу помощь в качестве переводчицы, надеюсь, я смогу рассчитывать на вас сегодня, ведь нам снова придется...

– Разумеется, – тепло улыбнулась Софья и покинула хозяйскую гостиную.

Генерал и владелец виллы доброжелательно встретили гостя, и Смолев пригласил полицейского за стол.

– Благодарю вас, Алекс, – отказался от еды Антонидис, – я уже позавтракал. С пяти утра на ногах. А вот от кофе, спасибо, не откажусь. Я так понимаю, что София уже рассказала вам о нашей вчерашней беседе со свидетелями?

– Да, – просто ответил генерал Интерпола, не вдаваясь в детали. – Рассказала. Хотелось бы услышать ваши соображения, старший инспектор.

Алекс налил полицейскому дымящийся ароматный кофе

в большую кружку и поставил перед ним.

Тот благодарно кивнул и добавил в напиток два кусочка сахара, захватив их щипцами из большой хрустальной сахарницы, стоявшей на столе. Сделал два больших глотка, достал из кармана свежий платок, вытер им повлажневший лоб, и вынув из кармана записную книжку, положил ее перед собой.

Смолев и Манн терпеливо ждали, допивая свой кофе.

– Господа, могу сказать следующее, – начал Антонидис, листая свои записи. – Совершенно очевидно для меня, что это умышленное убийство. Пока у меня есть две рабочих версии, которые я отрабатываю. Первая: юриста «Зодиака» целенаправленно отравили, чтобы заставить его скрыть секретную информацию, которой он располагал в силу своих служебных полномочий. Из показаний госпожи Караваевой мне стало ясно, что единственной причиной его смерти могла стать именно работа, отнимавшая все его время. Ни семьи, ни друзей, – никаких-либо других интересов на стороне у него просто не было. Напрашивается вывод, что убитый незадолго до своей смерти получил в свое распоряжение важную информацию, которой – возможно – захотел воспользоваться в корыстных целях. И ему таким образом заткнули рот!

– Вы подозреваете кого-то конкретно? – поинтересовался Смолев.

– Думаю, что в этом случае, – медленно произнес старший

инспектор, подыскивая обтекаемую формулировку, – возникают вопросы к руководителю «Зодиака», и здесь я бы хотел просить вашей помощи, господин генерал. Боюсь, что в беседе со мной он не будет откровенен, а вы сможете найти с ним общий язык, тем более что вы в вашем статусе сможете ему убедительно намекнуть, что заезд может не состояться. Я имею в виду, если он откажется говорить, разумеется...

– Хорошо, – пожал плечами генерал. – В любом случае, этого разговора не избежать. Что-то это дело мне нравится все меньше и меньше... А вторая рабочая версия?

– Вторая рабочая версия, – повторил полицейский, зачем-то шаря в кармане своего пиджака, – вторая версия...

– Ну, не томите, старший инспектор, – пробасил Манн, выбивая пальцами нетерпеливую дробь по столешнице. – Что там у вас?

– Вы нашли пробки? – догадался Смолев по довольному лицу полицейского.

Антонидис наконец достал небольшой сверток или, вернее, комок салфеток, положил на скатерть и развернул.

На столе оказались две небольшие винные пробки со следами от штопора.

– Да, – подтвердил он с сияющим видом, – мне удалось...
Вернее, я с самого утра опросил еще раз горничных и выяс-

нил, что в день, когда случилось убийство, убираясь в номерах, горничная Алики только в одном номере не обнаружила бутылок из-под вина, но почему-то нашла в блюде на столе использованные винные пробки! Причем, свежие. Она положила их в карман передника, а потом просто забыла про них. Сказала, что это вылетело у нее из головы.

– Естественно, вылетело. Ничего удивительного. Бедная девочка. После того, как вы потащили ее зачем-то на допрос в полицейский участок, неудивительно, что она забыла про эти пробки! – хмыкнул Манн, подливая себе еще кофе. – Дальше, старший инспектор.

– Она забыла про них потому, что они были найдены совсем в другом номере, – полуутвердительно поинтересовался Смолев, – так, Теодорос? Не в том, где произошло убийство? Так в каком же номере она обнаружила пробки, но не обнаружила пустых бутылок? Может, вы уже озвучите этот ключевой факт? Мы с генералом в нетерпении.

– Пробки были найдены в пятом номере, – сверившись с записями, сказал старший инспектор. – Там проживают супруги Истомины.

Какое-то время Смолев и Манн молча «переваривали» новость.

Первым молчание нарушил владелец виллы.

– Поздравляю, старший инспектор! Что касается проживающих в пятом номере, если быть до конца точным, не совсем так, – сообщил Смолев. – Ирина Астафьева официаль-

но не жена Петру Истомину. Гражданский брак. Любовница, сожительница. Называйте, как хотите.

– Вы считаете, это может быть важно? – удивленно посмотрел старший инспектор на Смолева, достал ручку и что-то пометил в своем блокноте.

Смолеву был знаком этот взгляд: так Антонидис иногда смотрел на того, кто дальше продвинулся в расследовании по делу, – удивленно, с долей ревности и восхищения.

– Все может быть, все может быть, – задумчиво подтвердил генерал. – Что же в таком случае мы имеем? Получается, это из пятого номера после ужина вышел юрист, держа в каждой руке по бутылке вина и столкнулся на галерее с Караваевыми? Они живут в шестом и седьмом, убитый проживал во втором. Встретились они где-то посередине галереи. Все складывается. Как Истомин объясняет этот факт? Или вы с ним еще сегодня не общались? Ах, да! – вспомнил что-то генерал, взглянув на часы, показывавшие половину восьмого утра. – Он же вчера был в стельку... Думаю, раньше обед не придет в себя.

– К сожалению, – подтвердил старший инспектор. – А госпожа Астафьева должна прийти ко мне на беседу к одиннадцати утра, боюсь, она тоже все еще спит, и я не решился их беспокоить, тем более что еще нет заключения экспертизы по пробкам. Я уже вызвал экспертов в лабораторию и сам отправлюсь туда же. Думаю, что к разговору с Астафьевой у меня уже будет заключение. И тогда я смогу точнее сфор-

мулировать вторую рабочую версию.

– Отлично, – кивнул генерал. – Не забудьте, как будет готово заключение экспертов, прислать мне его по электронной почте. Будем ждать с нетерпением.

Антонидис уже десять минут как ушел, а Смолев с Манном все сидели за столом, погружившись в размышления.

Наконец генерал нарушил затянувшуюся паузу:

– Что ты обо всем этом думаешь, Саша, в свете последней находки нашего общего друга?

– Сам знаешь, – пожал плечами Алекс. – Все скажет экспертиза. Если пробки чисты, то яд скорее всего попал в вино уже после того, как бутылки были открыты. Если в пробках найдут следы анилина, то, значит, вино было отравлено до того, как его откупорили. А из этого следует, что кто-то каким-то образом проткнул пробки и ввел яд заранее. Сделать это можно с помощью медицинского шприца, с достаточно длинной и прочной иглой.

– Сомнительно мне что-то... – покачал головой генерал.

– Сложновато, согласен, – пробки достаточно плотные – трудно, но можно. Просто навыки обращения со шприцами для этого требуются. Хотя бы минимальные. Иначе можно с привычки сломать иглу, разлить содержимое шприца, – да мало ли! И даже пораниться.

– Согласен, – мотнул головой Манн. – Минимальные навыки... Как, например, у медсестры-недоучки. Что там сказала Караваева про Астафьеву? Незаконченное медицинское

училище в Пензе?

– Какой смысл ей травить юриста? – покачав головой, после паузы заметил Смолев. – Нет, тут что-то другое. Травить своего сожителя, Истомина, ей тоже нет никакого резона: он ее содержит и закрывает регулярно глаза на ее загулы. Истомин ей не муж, – умерев, наследства не оставит. И она прекрасно знает, что именно из спиртного пьет, а чего не пьет ее сожитель. Думаю, отсюда и слова убитого, сказанные им незадолго перед смертью. Про халяву. Думаю, что Истомин под хмельком широким жестом просто-напросто отдал бутылки с вином юристу. Подарил. Мол, все равно я это не пью. Сам-то он, как я помню из разговора в таверне, пьет исключительно виски и коньяк, предпочтительно коллекционные.

– Губа не дура у бывшего простого инженера СМУ... Ясно. Будем ждать экспертизы и того момента, когда Истомин придет в себя настолько, что сможет дать показания, – подытожил Манн. – Кстати, по происхождению яда, ты же соби-рался переговорить с механиками. Сложилось?

– Вчера не успел, – отрицательно покачал головой Смолев. – А сегодня даже рад этому. С кем-то из них Астафьева водит шашни. Пока все не ясно до конца, – не спугнуть бы. Если убийца, зная об этой связи, решил их подставить, – это одно, а если механик действительно причастен, – совсем другое.

– Добро! – сказал генерал, поднимаясь из-за стола и потягиваясь. – Засиделись мы с тобой. Может, на море? Окунем-

сы? Мои все равно еще часик точно будут спать. Давай? А то вернусь в Афины и буду локти кусать!

Только Смолев собирался сказать генералу, что готов отправиться с ним на пляж, как в этот момент в дверь требовательно постучали.

Манн вопросительно посмотрел на Алекса. Тот недоуменно пожал плечами.

Из-за двери были слышны голоса. Особенно выделялся женский: «Толя, ты только не нервничай, не нервничай, мы сейчас все скажем!»

Смолев вздохнул: «Караваяева!»

– Ну все, погнали наши городских, – ухмыльнулся генерал. – Впусти, послушаем, что у нее на этот раз припасено. Интересный все-таки персонаж! Интересно, в какую игру она играет?... Запускай! А я пока включу диктофон.

В гостиную вошли трое: супруги Караваяевы и запыхавшаяся управляющая, которая едва успела в последний момент нагнать их у дверей хозяйского дома.

Аделаида Павловна имела вид человека, оскорбленного в лучших чувствах. Она подталкивала перед собой своего супруга Анатолия Петровича. Видно было, что «врач экспедиции» был явно чем-то расстроен.

– Слушаю вас, Аделаида Павловна, – произнес Смолев, выйдя навстречу гостям и жестом показывая раздосадованной Софье, что все в порядке и он сам разберется. – Чем могу быть вам полезен в столь ранний час?

– Мы хотим заявить о краже! – громко произнесла Караваева. – Моего мужа обокрали! Прямо у вас в гостинице! Куда же это годится?

Смолев перевел вопросительный взгляд на Караваева. Тот потерянно кивнул и развел руками.

– Что у вас пропало, Анатолий Петрович? – спросил Алекс участливо, внимательно за ним наблюдая.

Заметно сконфуженный врач едва успел открыть рот, как жена его опередила.

– У него украли целую упаковку шприцев! Из саквояжа! Импортных, между прочим! – громогласно заявила она, приняв позу оскорбленного достоинства, закинув голову и подбоченясь. – Куда это годится, дорогие мои, я вас спрашиваю?

Часть седьмая

*Ни один человеческий разум не в силах
измыслить такую головоломку, которую
другой человек, наделенный определенной
смекалкой и правильно ее применяющий
был бы не в силах разгадать.*

Эдгар Аллан По, «Золотой жук»

В делах и ежедневных хлопотах незаметно наступил день старта, которого с нетерпением ожидали постояльцы виллы «Афродита».

Впрочем, на самой вилле это почти никак не было заметно, если не считать зачастившего на хозяйскую половину старшего инспектора, и время от времени появлявшихся полицейских сержантов. Все, казалось, шло своим чередом. И этот день ничем не отличался от предыдущих.

Над островом медленно вставало солнце.

На кухне, откуда на все террасы и галереи уже с час распространялись божественные ароматы свежей выпечки и свежезаваренного кофе, с раннего утра привычно кипела работа: молодые повара, ответственные за завтрак, гремели сковородками и противнями, разводили тесто для блинчиков, взбивали яйца для омлета, нарезали к завтраку сыры и вяленое мясо. Они весело пересмеивались и перешучивались с официантками, собиравшими на подносы еду для тех по-

стояльцев, кто заказал завтрак в номер.

Садовник Христос, проснувшийся еще в предрассветных сумерках и наскоро, по-крестьянски, перекусив хлебом, козым сыром и оливками, уже давно возился с виноградной лозой, что пышно увила реечный потолок нижней террасы.

Заботливая Василика – помощница Петроса, которой Христос напоминал ее собственного отца, недавно умершего в деревне, каждый вечер приносила упрямому и неразговорчивому старику небольшую глиняную миску с едой. Приносила и оставляла на старой деревянной скамейке с облупившейся от времени белой краской, накрыв миску чистой салфеткой, чтобы рано утром, пока кухня еще закрыта, старик мог подкрепить свои силы.

Когда же солнце едва поднимется над Портарой, садовник выпьет первую чашечку крепкого кофе со стаканом холодной воды и уйдет в свой огород возиться с грядками.

Катерина, совершенно придя в себя после пережитых волнений, заняла свое привычное место на «мостике», вполголоса напевая какую-то веселую греческую песенку.

Скоро к ней должен прийти ее жених Костас, и будущие муж и жена планировали отправиться на праздник в деревушку Каладос, что на южном побережье. Сегодня управляющая дала ей короткий выходной после обеда. Костас обещал музыку и танцы, а она уже так давно не танцевала, – как можно не обрадоваться?

Петрос и Софья, с час назад вернувшиеся с пирса от ры-

баков с уловом, немедленно отправленным на кухню – в холодильники и на лед, переговариваясь вполголоса и нежно улыбаясь друг другу, пили утренний кофе перед хлопотным днем.

Приготовление морепродуктов Петрос не доверял никому, в этом ему на острове не было равных. После завтрака молодые повара отправятся в таверну делать необходимые заготовки, а он вернется на кухню и примется за основное обеденное меню.

Все было как всегда. Разве что особо ранние пташки из постояльцев – а сегодня это снова были механики – уже успели позавтракать почти на час раньше обычного и, возбужденно переговариваясь, умчатся по делам, да Василики собирала на террасе корзину для спортсменов, укладывая в нее пачки с овсяным печеньем и бутылки с водой. За корзиной должна была вскоре явиться Караваева: она отвечала за быстрое питание спортсменов на пит-стопах²¹

Солнце медленно, но неуклонно двигалось по небосклону, по-хозяйски проникая в раскрытые окна номеров, где постояльцы досматривали свои последние утренние сны.

Через полчаса, заглянув в окна гостиной на хозяйской половине, оно осветило накрытый к завтраку стол. Еще через десять минут за столом собрались трое мужчин.

²¹ Пит-стоп (англ. pit stop, досл. «остановка над ямой») – техническая остановка машины во время гонки для выполнения заправки топливом, смены шин, смены водителей, быстрого ремонта и проверки технического состояния машины – прим. автора

Манн сдержал слово, данное им старшему инспектору, и накануне вечером у генерала состоялся разговор с Литвиновым. Общались они с директором «Зодиака» тет-а-тет. В конце концов, у Смолева не было никаких официальных полномочий участвовать в этой беседе, да и желания, честно сказать, особого тоже не было: чем дальше, тем больше Литвинов был ему неприятен. Но Алекс умел сдерживать свои личные симпатии и антипатии и до тех пор, пока Литвинов и вся команда «Зодиака» являются гостями его виллы, он станет относиться к ним так же, как и к любым другим постояльцам.

– Да, – сдержанно сказал Манн, густо намазывая на горячий круассан сначала сливочное масло, а поверх него и золотистый абрикосовый джем, – тот еще жук этот Литвинов! Совершенно непробиваемый. Уперся, и ни в какую! Мол, у вас нет никаких юридических оснований препятствовать нашему заезду. Или предъявляйте кому-то конкретные обвинения, или не морочьте голову.

– Тоже в чем-то прав, – хмыкнув, нехотя согласился Смолев. – В самом деле, что мы можем ему предъявить, старший инспектор?

– Как же, как же, – заволновался Антонидис и быстро поставил большую кружку с кофе на стол, чтобы не расплескать. – А планировавшаяся тайная продажа акций «Зодиака»? Это же прямой мотив! Секрет, который он хотел скрыть от партнеров по бизнесу!

– Секрет Полишинеля!²² – сердито махнул рукой Манн. – Расстрою вас, старший инспектор, но стоило мне только затронуть этот вопрос, – взбешенный Литвинов в моем присутствии позвонил сперва одному своему партнеру, потом другому, и все они в один голос подтвердили по телефону, что уже с месяц как прекрасно осведомлены о предстоящей продаже части акций компании и целиком и полностью одобряют этот шаг, который «позволит привлечь в компанию значительный объем западных инвестиций». Причем, что характерно, говорили оба как по писаному. Вот так! А что касается заезда, спора и контрольного пакета акций, – вообще, мол, – коммерческая тайна, и посвящать нас в нее без каких-либо на то серьезных оснований они не обязаны, тем более что мы не российские компетентные органы, и деятельность российской компании не в нашей юрисдикции. И пока не будет доказана прямая связь смерти юриста с его работой в «Зодиаке», никаких документов мы не получим. Вот так мягко, вежливо и ненавязчиво все трое послали нас в туманную даль.

Раздосадованный Манн хищно впился острыми зубами в хрустящую нежную мякоть круассана и стал быстро жевать. Постепенно выражение его лица смягчилось.

– Подготовились, – заметил Смолев, внимательно выслушав друга. – Наверное, и юриста нового уже нашли?

²² секрет, который всем и так известен, мнимая тайна, «секрет – на весь свет» – прим. автора

Не с его ли это подачи? Слишком четкие формулировки, не находишь?

– Угадал, – кивнув, подтвердил генерал не раньше, чем прожевал и проглотил все до кусочка. – Более того, и юриста по международным делам, и двух адвокатов по уголовным. Все трое придут из Афин, один русский из Москвы и два местных грека. Послезавтра будут первым самолетом. Все флаги, понимаешь, в гости к нам... Будут из нас душу вынимать. Греков я знаю, – очень известное адвокатское бюро. Сильные ребята. Если за дело возьмутся, – развалят на раз! Если у нас не будет железных доказательств, разумеется.

– То есть, запретить заезд мы не можем? – удрученно уточнил старший инспектор. Было заметно, что он расстроен.

– А основания?

– Один из них, возможно, подозревается в уголовном преступлении, – упрямо не сдавался Антонидис. – А, возможно, что все трое – в сговоре! У нас есть труп, орудие преступления и мотив: юрист слишком много знал! Что, если они все трое были заинтересованы в его смерти? Недаром они сейчас так слаженно запели? Я по-прежнему подозреваю каждого из них!

– Это все фантазии, – раздраженно буркнул Манн, тщательно вытирая бумажной салфеткой пальцы, лоснящиеся после выпечки. – Доказательства есть? Нет доказательств!

Где йогурт? А, вот он! – генерал пододвинул к себе мисочку с йогуртом, съел пару ложек и уже спокойнее продолжил: – Была бы хоть одна явная зацепка – я бы нашел способ их задержать, уж поверьте! И не то что три юриста, тридцать три меня не остановили бы! Но что мы им предъявим послезавтра? Домыслы? Хотите стать посмешищем на всю Грецию? Эти язык за зубами держать точно не будут, непременно дадут пару интервью о беспомощности островной полиции. Или о полицейском произволе на Наксосе. Вам что больше нравится? Ищите доказательства, старший инспектор, ищите! Более того, ваши «подозреваемые» не пытаются же покинуть остров, остаются в пределах вашей юрисдикции... Кто мешает вам вести следствие и найти преступника? Никто? То-то! И не надо так скисать лицом, – ничего еще не потеряно!

– Это точно, – поддержал генерала Алекс. – Кстати, старший инспектор, что с результатами экспертизы по пробкам?

– Очень интересно! – оживился полицейский. Лицо его, и впрямь недавно совсем было погрузневшее, разгладилось, а в глазах загорелся привычный огонек охотника, идущего по следу. – В обеих пробках найдены остаточные следы анилина. Следы иглы почти полностью уничтожены штопором, но в одном месте пробку пытались, видимо, проткнуть дважды, и след сохранился. Но! – Антонидис возбужденно указал пальцем в потолок, едва не опрокинув локтем кофейник. – Как утверждает эксперт, судя по размеру и форме от-

верстия, игла, которой протыкали пробку была гораздо массивнее, чем у тех шприцев, что пропали у доктора. Намного массивнее и прочнее. Эксперты сейчас пытаются определить, что это могло быть. Вывод: шприцы доктора не имеют отношения к убийству! Но почему они пропали? Кому и для чего они понадобились?

– Горничные сегодня внимательно посмотрят во всех номерах, поищут пропавшие у Караваева шприцы, – ответил Алекс, задумчиво потирая висок. – Что-то мне подсказывает, что мы скоро их обнаружим, причем на каком-нибудь видном месте в одном из номеров...

– Вы так думаете? – удивился старший инспектор, он переводил взгляд с одного собеседника на другого, словно пытаясь проникнуть в их мысли.

– Уверен, – кивнул Смолев. – Сдается мне, что среди наших гостей есть много желающих «помочь» следствию. Чья-то очередная глупость. А, может, и не глупость – умысел! Вопрос, кто на этот раз и почему?

– Да, очень хотелось бы это понять, – согласился Манн, отставляя в сторону пустую кружку из-под кофе. – Данные на твоих гостей еще не поступили, ждем в течение получаса. Мне уже звонили, обещали их прислать. Может быть, они что-то прояснят. Когда старт заезда?

– Через час с небольшим, – взглянув на настенные часы, ответил Алекс. – Они недавно позавтракали и выдвинулись на маршрут. Кстати, хочешь на него взглянуть? Насколько я

понимаю, они даже согласовывали его с местной полицией, – не придерешься! Не так ли, Теодорос? У вас карта с собой? Сможете нас просветить?

Старший инспектор кивнул, вскочил со стула, с готовностью вынул из внутреннего кармана пиджака сложенную карту острова, дождался, пока Алекс освободит для нее место, аккуратно сдвинув в сторону всю посуду, и, развернув ее, расстелил на столе.

Мужчины, встав со своих мест, склонились над картой.

– Это что за линии? – поинтересовался Манн, проводя пальцем по карте с севера на юг. – Это и есть маршруты? Здесь, как я понимаю, старт?

– Совершенно верно, – подтвердил глава уголовной полиции острова. – Они стартуют вот отсюда, с северного побережья, из местечка Аполлонас. Туда они заказали с утра катера, а механики с техникой должны быть уже на месте. Но старт не из самого Аполлонаса, а вот отсюда, – старший инспектор ткнул карандашом в небольшой холм в километре к юго-востоку, – это холм Калогирос, здесь развалины старой крепости. К крепости самой мы, разумеется, их не пустили, – пояснил он, словно оправдываясь, – заповедная зона, исторический памятник, – но в двухстах метрах от нее они и оборудовали старт.

– Я смотрю, вы владеете вопросом, – похвалил генерал немедленно зардевшегося инспектора. – С кем конкретно вы беседовали?

– С господином Василенко, – пояснил Антонидис, – насколько я понял, он у них отвечает за маршруты и организацию работы на всей трассе. Мы беседовали трижды, и могу сказать, что, разобравшись в вопросе действительно детально, я понял, что все продумано до мелочей. Разрешите доложить, господин генерал?

– Рассказывайте, рассказывайте, Теодорос, – мягко произнес Манн, с благожелательной улыбкой наблюдая за главой уголовной полиции острова. – Давайте вместе разберемся, что у них на уме.

– Итак, стартовав с холма Калогирос, они пойдут ущелья-

ми на юг, – произнес старший инспектор, уверенно водя карандашом по карте, на которой тремя разноцветными линиями то переплетаясь, то расходясь, змеились маршруты мотопробега. – Здесь старые горные тропы, по ним и проложены трассы. Перепад высот, как вы видите, от двухсот до трехсот пятидесяти метров; надеюсь, выше они не станут забираться. Все три маршрута идут в створ между деревушками Коронида и Меси, при этом населенные пункты Скадо и Коронас останутся у них слева.

– Они идут в направлении Керамоти – Мони? – привычно по-военному сформулировал Смолев. – А это что за пометки? Не могу разобрать почерк.

– Это я подписывал для себя, – немного смутился Антонидис. – Вы совершенно правы, вот в деревушке Мони у них и будет первая техническая остановка, недалеко от старой византийской церкви, – инспектор, склонившись, сверился с записями, – «Божьей Матери, Освежающей силы». Церковь VII-го века, надо сказать!

– «Божьей Матери, Освежающей силы»? – переспросил Манн и удивленно покрутил головой. – Однако! Не мешало бы и нам туда добраться как-нибудь! Но об этом после... Что дальше?

– Все уже оборудовано, разбит палаточный лагерь, организован технический пит-стоп, я видел фотографии, – продолжал старший инспектор. – Здесь у них планируется проверка техники после первого участка, полчаса отдыха и ко-

роткий медицинский осмотр перед вторым, более тяжелым участком. Вот, видите, – Антонидис снова коснулся карты карандашом, – от Мони они пойдут на Данакос к монастырю Фотодотис – «Светоч Спасителя». Василенко сказал, что эта часть намного труднее первой: перепады высот уже до семисот пятидесяти метров, есть участки с каменными осыпями. У монастыря – вторая остановка. Здесь снова технический пит-стоп и завтрак для участников.

– Третий участок – гора Зевс? – глядя на карту, уточнил Смолев. – Я правильно понимаю? Ни больше, ни меньше?

– Совершенно верно, горный хребет горы Зевс, – покивал Антонидис. – Они пойдут по восточному склону. Надеюсь, никому не придет в голову пойти к вершине, там высота более тысячи метров.

– Судя по карте, – немного помолчав, заметил Алекс, – по самому хребту можно спуститься к автотрассе, вот от вершины Зевса, вниз по хребту на юг, к монастырю Святого Трифона. А потом на шоссе. Правилами заезда запрещается использовать автотрассы?

– Насколько я понял, нет, – отрицательно покачав головой, ответил полицейский, – не запрещено. Но, при условии, что все контрольные точки пройдены, и участник вышел в заданный район. Маршруты проложены таким образом, что использование автотрасс в большинстве случаев просто невыгодно.

– Ясно, продолжайте, – кивнул Манн.

– Итак, они обходят гору Зевс по восточному склону и идут на башню Пиргос Химароу – это отличный ориентир, древняя сторожевая башня из камня, высотой пятнадцать метров, да еще на холме. Видна издалека. Здесь организована третья остановка, последняя перед завершающим участком. Скоростным, как выразился господин Василенко. Здесь мотоциклисты снова немного отдохнут и подкрепят силы, а отсюда пойдут по старой дороге к побережью, к бухте Каладос. Как вы видите, маршруты сливаются в один – это горная дорога, она петляет, но скорость позволит им наверстать отставание, если такое будет. Мы, разумеется, примем меры, чтобы на трассе в тот момент, когда на нее выйдут мотоциклисты, не было автотранспорта. Перекроем вот здесь, в районе монастыря Святого Иоанна Богослова и у самого Каладоса. Максимум на полчаса. Надеюсь, гонка не доставит неудобств другим туристам: все необходимые оповещения мы сделали заранее, автобусов в это время на маршруте не будет. Дорога будет свободна.

– Они успеют за полчаса? – поинтересовался Манн, внимательно рассматривая схему.

– Да, разумеется, должны успеть. Протяженность последнего участка около двенадцати километров. Василенко просил всего пятнадцать минут, но я решил подстраховаться, – Антонидис достал очередной свежий платок и вытер им вспотевший лоб. – В любом случае, пока не пройдет последний участник, мы дорогу не откроем. Несколько минут роли

не сыграют, а безопасность – превыше всего!

– Финиш будет в Каладосе? – уточнил Смолев, указывая на прибрежный городок.

– Да, в самом Каладосе, там оборудована финишная линия, этого события ждут, туда к тому времени подтянутся туристы. С местным самоуправлением все согласовано. И этим тоже занимался Василенко. Впрочем, я решил это уточнить и связался по телефону с муниципалитетом, – мне все подтвердили. Более того, это стало поводом для местных властей устроить праздник – не так много такого рода событий в нашей островной жизни, сами понимаете...

– Ясно, – подытожил Манн, хлопнув ладонью по карте и распрямившись во весь рост. – С маршрутами я все понял. Что собираетесь предпринять дополнительно со своей стороны, старший инспектор, помимо мер безопасности на последнем этапе?

– Вы же знаете, господин генерал, – замылся Антонидис, – что силы вверенного мне подразделения крайне ограничены... Но на каждом пит-стопе поставлены мои люди. Они будут следить за происходящим и немедленно мне докладывать в случае чего. У меня всего два сержанта, но они станут по очереди переезжать по шоссе с одной стоянки на другую, а потом и встретят участников на финише в Каладосе. На всякий случай, я подал накануне заявку в службу Береговой охраны, мне обещали, что вдоль восточного побережья в это время направят курсировать два патрульных катера, их

офицеры будут постоянно поддерживать с нами связь.

– Вы думаете, кто-то из участников захочет сбежать? – удивленно поинтересовался Смолев, возвращаясь на свое место. – Сомневаюсь. Но чем черт не шутит...

– Это хорошо, – кивнул Манн. – Пусть ваши люди, старший инспектор, смотрят в оба: чуть что – звонят и немедленно докладывают. То, что с моря патрули «попасут» берег, – хуже не будет. В нашем деле предосторожность лишней никогда не бывает. Ладно, давайте подытожим, что мы с вами имеем на сегодня. Я начну, а вы меня поправите, если что.

Генерал потер ладонью лоб и стал размеренно излагать факты, стараясь ничего не упустить:

– Начнем! В гостиницу заехала группа гостей, работающих в одной российской компании – строительном концерне «Зодиак». Соответственно, мы имеем на вилле гостей, знающих друга друга несколько лет и связанных различными интересами, от личных до финансовых. Отношения в группе сложные, о чем свидетельствуют результаты допроса свидетелей. Одно выступление мадам Караваевой – не вздрагивайте так, старший инспектор! – чего стоит. В хитросплетениях этих отношений нам еще разбираться и разбираться... Здесь нам помогут материалы, которые мы ждем от коллег из Санкт-Петербурга. Мы знаем, что гости запланировали мотопробег по острову на скорость. Победителю мотопробега – по косвенным данным – должен отойти контрольный пакет компании. Документов мы не видели, ознакомить

нас с ними руководители компании отказались, сославшись на коммерческую тайну. Далее, на второй день пребывания в гостинице погибает Александр Клименко, корпоративный юрист «Зодиака», готовивший пакет для сделки по продаже акций для новых инвесторов. Он же готовил и документы по передаче контрольного пакета. И вот он погибает. Может быть, это совпадение. А может быть, и нет. С другой стороны, из заключения экспертизы и свидетельских показаний нам ясно, что юрист отравлен анилиносодержащим препаратом, добавленным в вино, что накануне было расставлено по номерам в качестве презента от владельца гостиницы. Мы установили, что анилин входит в состав топливных присадок, увеличивающих мощность двигателя. Не исключено, что источник яда наши гости тоже привезли с собой. Если это была топливная присадка, то подозрение падает как на троих мотогонщиков, так и на троих механиков, исключая лишь, пожалуй, доктора и жен директоров «Зодиака». С другой стороны, доктор вполне мог привезти с собой анилин, понимая, что подозрение в этом случае падет, в первую очередь, на механиков. Пока яд не найден. Возвращаясь к юристу: выпил он не свое вино, а вино, которое ему подарил Петр Истомин. Кстати, вы переговорили с ним, как собирались, старший инспектор? Он пришел в себя?

– Да, да, – внимательно слушая генерала, подтвердил Антонидис. – И с женой его – Ириной Астафьевой – тоже. Она выглядела очень расстроенной. Разговор с ее мужем был

кратким: очень угрюмый и немногословный человек. Но он подтвердил, что отдал накануне вино, стоявшее в его номере юристу сразу после ужина, когда тот зашел в номер к Истомину занести важные документы и пропустить по стаканчику. Астафьева, правда, не смогла подтвердить факта передачи бутылок, – сказала, что в этот момент принимала душ, а потом вышла на балкон и не видела, как юрист покидал их номер. Но раз муж говорит, она склонна ему верить. Ну, и пробки от этих бутылок со следами яда были обнаружены горничной Алики именно в номере Истомина.

– Получается, – кивнул генерал, – что бутылки были вскрыты еще в номере Истомина, видимо, юрист отпил вино еще там, снял пробу, так сказать, а потом забрал бутылки с собой. По пути в свой номер он натывается на чету Караваяевых, хвастается своим подарком и запирается у себя в номере, где его на следующий день и обнаруживает старшая горничная, Катерина. Обнаруживает мертвым. Бедная девочка...

– Ей уже лучше, собирается с женихом на финиш мотопробега, – вставил реплику Смолев. – Кстати, сам факт, что юрист выпил вино еще в номере Истомина, снимает в каком-то смысле подозрение с последнего. Ну, представьте: одно дело незаметно подложить в номер отраву и скрыться, чтобы избежать даже малейших подозрений, другое – наблюдать, как ее пьют в твоём присутствии. А если бы яд подействовал немедленно? Убийца не стал бы так рисковать. Тем

более что концентрация была велика, не так ли, Теодорос?

– Мне вообще не очень понятно, как юрист продержался так долго: успел выпить обе отравленные бутылки и еще половину чистого ассиртико, – поддержал Антонидис. – Как мне сказал патологоанатом, смертельная доза была уже в первой бутылке с ксиномавро...

– Возможно, что все дело в плотном ужине, – подумав, ответил Алекс. – Помню, что Клименко усиленно налегал на жареную баранину с рисом. Видимо, бараний жир не дал яду впитаться немедленно, а рис частично сработал как абсорбент. Впрочем, я не врач, могу ошибаться. Интересно другое: отравили вино, которое предназначалось для Истомина. Но все знали, что он вино не пьет! Получается, что если хотели отравить Истомина – один этот факт снимает подозрения со всех работников «Зодиака»: он бы к этому вину и не притронулся! А подсовывать ему отраву в номер в надежде, что случайно зайдет юрист и заберет бутылки, – полная нелепость! По всему выходит, что юристу просто не повезло. Глупость какая-то... А Истомину впрыскивать яд в вино из собственного номера через пробки, чтобы потом его вручить в качестве подарка падкому на «халяву» юристу, – тоже абсурд! Во-первых, Истомин был уже пьян, во-вторых, проще было незаметно впрыснуть яд в открытые бутылки, раз уж их все равно вскрыли. Отвлечь Клименко под любым предлогом и незаметно отравить вино. Но экспертиза говорит об обратном: в пробках были следы яда.

– Что же получается, – тупик? Что же делало отравленное вино в номере у Истомина? – расстроено произнес Антонидис вопросительным тоном. – Как оно туда вообще попало?

Но ответа не дождался. Манн и Смолев молчали, сосредоточенно обдумывая ситуацию.

Вдруг Смолев звучно хлопнул себя по лбу ладонью и невесело рассмеялся.

– Какой же я осел! Мы так сосредоточились на работах «Зодиака», на продаже акций и возможном заговоре, что не замечаем очевидного: а если вино попросту предназначалось тому, кто его вполне мог бы выпить? И кто не является работником «Зодиака»? И проживает именно в этом номере? Что, если вино предназначалось гражданской жене Истомина, Ирине! Не ее ли хотели устранить?

– Так, так, – быстро подался вперед Манн, внимательно выслушав Смолева. – В самом деле, все может быть гораздо проще, и продажа акций тут вовсе не при чем. Нам этот юрист с акциями все карты спутал. Но кому мешала или по-прежнему мешает Ирина? Что она за персонаж?

– Персонаж вполне подходящий, – кивнул Алекс, скупой улыбнувшись одними уголками губ. – Из группы риска. Как говорится, «девушка с заниженной социальной ответственностью». Вполне может оказаться в самом эпицентре накаленных страстей. Насколько я о ней наслышан, всегда готова взять сперва чужое, а потом свое. Дождемся справки на нее, но уже сейчас думаю, что она хорошо известна в определен-

ных кругах обеих столиц.

– Неужели из «профсоюза»?²³ – удивился Манн. – Как Истомин мог с такой связаться?

– Ты же помнишь характеристику, что дала ей Караваева. Мы тогда слишком отвлеклись на Литвинова, которого эта мадам топила изо всех сил. Это отдельный вопрос, чем он ей так насолил. А выходит, что, возможно, дело-то совсем в другом.

– Но кому может быть выгодна смерть жены, вернее, сожительницы Истомина? – недоверчиво и недоуменно покачал головой Антонидис. Ему было сложно отказаться от первой версии, казавшейся такой логичной и стройной. – Что она решает в «Зодиаке»?

– В «Зодиаке»? – переспросил Смолев. – Ничего. Насколько сейчас нам известно. А кому выгодна? Обычно в таких случаях самый очевидный мотив: ревность. Кстати, вы сказали, что она была очень расстроена во время последней вашей встречи?

– Да, – подтвердил старший инспектор. – На ней просто не было лица. Такое ощущение, что она всю ночь плакала. Накануне вечером она выглядела гораздо лучше.

– Видимо, она нас с вами опередила, – хмыкнул Манн. – Сообразила, что к чему. Что-то там у них происходит! Но кому она перешла дорогу из присутствующих? Истомину?

²³ Манн имеет в виду профессиональных девушек «легкого поведения» – прим. автора

Он бы просто ее выгнал, зачем травить прилюдно? Сумасшедшей Караваевой? Это же она своего мужа ревнует ко всем подряд? Мало похоже на правду. Надо думать, старший инспектор! Надо отрабатывать и эту версию.

– Да, да! – с готовностью откликнулся Антонидис, – Может быть, мне еще раз добросить Астафьеву? Скажем, сразу после заезда? Или даже во время? После старта все участники группы поддержки разъезжаются по своим местам, она должна присутствовать на втором пит-стопе, здесь, – он ткнул пальцем в карту, – у монастыря Фотодотис. У меня тут все фамилии подписаны. Вот список: Астафьева, Кондратьев, Василенко. Кондратьев – это механик, а Василенко Светлана – супруга коммерческого директора. Я могу туда выдвинуться и переговорить с Астафьевой на месте. Предупрежу сержанта Дусманиса, чтобы он задержал жену Истомина до моего приезда. Эта точка – его пост.

– Пожалуй, это правильно, – после некоторого раздумья согласился генерал. – Времени до приезда юристов из Афин у нас в обрез. Поезжайте, оттуда сообщите, как обстоят дела. Единственный вопрос, как вы собираетесь с ней общаться? Вам же нужен будет переводчик?

– Да, – несколько сконфуженно подтвердил старший инспектор и повернулся к Алексу. – Если бы я только мог просить вас, господин Смолев, снова оказать мне огромную любезность...

Не говоря ни слова, Смолев встал, прошелся до стацио-

нарного телефона, стоявшего на столике в углу и набрал ре-сепшн.

– Катерина? – произнес он в трубку. – Это я. Где Софья? Рядом? Отлично. Передай, пожалуйста, ей телефон... Что пришло? Письмо для генерала пришло? С вложениями? Отлично! Распечатай прямо сейчас и принеси нам сюда, – он оглянулся на Манна, который кивнул и показал два пальца, – в двух экземплярах. А теперь давай Соню. Рыжая? Есть срочное дело. Все остальное отложи. Поезжайте прямо сейчас со старшим инспектором к монастырю Фотодотис, он знает, где это. Дождитесь там Астафьеву и допросите ее, – здесь Алекс перешел на английский. – Прошу, помоги, пожалуйста, старшему инспектору Антонидису с переводом. Это очень важно! – и снова добавил по-русски: – Рыжая, держи ушки на макушке. И будь начеку. Сдается мне, что это именно Астафьеву хотели убить, и она это уже поняла. Не исключено, что она знает, кто на нее покушался. Как бы она дров не наломала. Вот тебе и «ого!» Возьмите гостиничную «Ниву» и поезжайте. Чуть что, звоните мне, я буду на месте. Спускайся к парковке, старший инспектор сейчас подойдет. Добро!

Не успел Смолев положить трубку и повернуться к ожидавшим его коллегам, как телефон снова зазвонил.

– Да, – ответил он. – Что такое, Рыжая?

Какое-то время он сосредоточенно слушал, потом произнес в трубку:

– Хорошо, я все понял. Сам этим займусь. Пусть Катерина занесет ее вместе с распечатками ко мне в гостиную. Я сам поговорю с владелицей. Все по плану, поезжайте!

Повернувшись к вопросительно смотревшим на него генералу и старшему инспектору, Смолев по-английски сказал:

– Я оказался прав, старший инспектор, пропавшая упаковка шприцев нашлась. Хотя и не в номере. Кто-то из постояльцев забыл женскую пляжную сумку из итальянской соломки на нижней террасе. Когда решили проверить содержимое, чтобы определить владельца, – обнаружили шприцы. Упаковка вскрыта, не хватает одного шприца. Катерина утверждает, что видела эту сумочку накануне у Златы Литвиновой.

– Ну что же, – после паузы качнул головой генерал. – Одной загадкой больше. Будем разбираться, у нас еще полтора дня до приезда юристов. Поезжайте, старший инспектор, поезжайте!

Часть восьмая

*Скорость ни разу никого не убила
внезапная остановка... Вот что убивает!*
Джеремии Кларксон

На стук в дверь с табличкой «Room N3» долго никто не открывал. Но Смолев знал, что Злата Литвинова в номере. Выждав небольшую паузу, он постучал снова, на этот раз чуть громче. Спустя еще некоторое время он явственно услышал за дверью легкий шорох.

– Госпожа Литвинова, – произнес он мягким, успокаивающим тоном, – это владелец виллы, Алекс Смолев. Прошу простить меня за беспокойство. Я всего лишь хотел бы вернуть вещь, которая, полагаю, принадлежит вам.

Протекли еще три долгих минуты, прежде чем дверь наконец медленно приоткрылась. Хозяйка номера стояла на пороге, запахнувшись в длинный шелковый халат нежных персиковых тонов. Правой рукой она плотно прижимала ворот халата к горлу и прятала глаза за огромными черными очками.

Как ни пытался Алекс рассмотреть выражение ее глаз, – ему это не удалось.

– Да, да, конечно, – произнесла она сипловатым, словно со сна, голосом. – Конечно, Алекс Смолев. Я помню. Вас представляли на ужине в первый день. Правда, с того момен-

та мы больше не виделись, но я вас узнала. У меня отличная память на лица, а вот на имена – отвратительная... Но у вас красивая фамилия, я запомнила. Простите, что долго не открывала: я неважно себя чувствую. Ничего серьезного, видимо, немного перегрелась накануне.

– Ничего страшного, – шире улыбнулся Алекс и, помедлив, протянул ей соломенную пляжную сумку. – Прошу! Мне сказали, что это ваше. Забытые вещи постояльцам обычно возвращает моя управляющая, но сегодня она отпросилась взглянуть на мотогонки и предупредила, что вернется поздно вечером. Поэтому я решил вручить вам сумку лично, на случай, если она вам понадобится уже сегодня.

– Спасибо большое, – нисколько не оживившись, ответила Литвинова, равнодушно забирая сумку. – Впрочем, сама не знаю, зачем я взяла ее с собой в поездку, ведь я почти не выхожу из номера... В любом случае, большое вам спасибо!

Она уже было повернулась, чтобы уйти, как Смолев, не меняя доброжелательного тона заботливого и гостеприимного хозяина, заметил:

– Если вы захотите тоже взглянуть на гонки, гостиница будет рада предоставить вам транспорт с водителем. Сегодня не так жарко, как вчера, а в горах и вовсе будет прохладно. А горные пейзажи и долины стоят того, чтобы их увидеть!

Злата несколько секунд стояла спиной к Смолеву, затем, обернувшись через плечо, тихо произнесла:

– Гонки? Нет, спасибо. Я терпеть не могу гонки. Это хобби моего мужа. Но в последнее время наши интересы практически не совпадают, скорее наоборот... Но за предложение спасибо! Пожалуй, я отдохну в номере. Всего доброго!

– Всего доброго! – кивнув, ответил Смолев, глядя, как перед ним закрывается дверь с табличкой «Room N3».

Вместо того, чтобы уйти, он невозмутимо прислонился спиной к перилам в двух метрах от номера и стал терпеливо ждать. Долго ждать ему не пришлось. Вскоре ярко-синяя дверь вновь открылась.

– Что-нибудь не так, госпожа Литвинова? – участливо поинтересовался Алекс у женщины, которая снова появилась на пороге, держа в руке пляжную сумку, что он ей вручил пять минут назад. – Это не ваша сумка?

– Сумка моя, но вещи в ней, – несколько растерянно сказала Злата, держа сумку широко раскрытой и показывая содержимое Смолеву, – вещи в ней не мои! Здесь какие-то вышитые салфетки, открытки и шприцы! Это все не мое! А моих таблеток, наоборот, нет! Что мне делать с чужими вещами?

– Я заберу, – кивнул Смолев и аккуратно достал из сумки все перечисленные предметы, стараясь прикасаться к упаковке со шприцами через тканевые салфетки. – Не волнуйтесь, возможно, просто горничные сложили все находки. А что за таблетки у вас пропали? Возможно, они тоже где-то найдутся, так я распоряжусь, чтобы сразу же занесли вам.

Как называются и как выглядит упаковка?

– Это мое французское снотворное, донормил, – подумав, и по-прежнему не повышая голоса, сообщила ему Литвинова. – Небольшая туба с шипучими таблетками. Впрочем, она была полупустая, а у меня есть еще. В последнее время без снотворного я не засыпаю, и поэтому у меня с собой всегда стратегический запас. Как вы говорите: «Ничего страшного!» Так оно и есть, ничего страшного не произошло... Всего доброго!

На этот раз дверь закрылась окончательно. Смолев, держа в руках «забытые вещи», отправился на хозяйскую половину.

– Как прошло? – поинтересовался Виктор, растирая ладонью затекшую шею, едва Алекс появился в гостиной.

Манн сидел за столом, перед ним лежали документы – пачка машинописных листов. Судя по пометкам на полях, генерал изучал содержимое досье внимательно и скрупулезно, не упуская ни единой детали. Ручка «Montblanc» – любимая перьевая ручка генерала – лежала рядом с пачкой бумаг.

– Как учили, – ответил Смолев, аккуратно складывая на стол салфетки, пачку открыток из подарочного набора гостиницы и упаковку шприцев. – Это не она. Абсолютно адекватная реакция. Скорее всего, подбросил кто-то из своих. И еще, у нее пропали таблетки. Снотворное, донормил. Час от часу не легче...

– Интересно девки пляшут, – пробурчал генерал, надевая

на перо ручки колпачок, чтобы чернила не сохли. – Снотворное пропало неизвестно куда, шприцы появились неизвестно откуда. Какой-то таинственный круговорот медикаментов на отдельно взятой вилле. Ладно, отдадим шприцы экспертам Антонидиса: пусть колдуют насчет «пальчиков», хотя я лично сомневаюсь.

– Я тоже, – кивнул Смолев, усаживаясь за стол напротив генерала. – Но чем черт ни шутит. Что у тебя? Обнаружил что-нибудь интересное?

Генерал потянулся, разминая могучие плечи, прежде чем ответить.

– Черт его знает, Саша, – наконец произнес он задумчиво. – Может, да – может, нет!.. Я начал с нашей мадам Каравасовой. Очень она меня заинтересовала. Ты был прав насчет нее, кстати. Биография у нее крайне интересная, если больше не сказать... Закончила в семидесятих Ленинградский Институт Культуры с красным дипломом. Библиотекведение и библиография. Подавала большие надежды. Предлагали остаться на кафедре и защищать диссертацию. Отказалась. Уехала по распределению в Ленинградскую область. Там познакомилась с каким-то вахтовиком, работавшим на буровой в Сибири. Потом какая-то мутная история: то ли несчастная любовь, то ли мужик просто оказался подонком. Родила сына через год. Отдала в детский дом.

– Это как? – оторопело поинтересовался Смолев. – Что значит «отдала»?

– Отказалась, – пожал плечами Манн. – Еще в роддоме. Отказ от родительских прав, все официально оформлено, чин чинарем... С работы уволилась. Влюбилась, видать, без памяти, голову потеряла... С женщинами, Саша, и не такое порой бывает! Впрочем, без мужчин здесь не обходится... Уехала вскоре вслед за своим сожителем в Сибирь на заработки. Похоже, тот ей объяснил, что ребенок им будет только обузой. Лет пятнадцать моталась по поселкам нефтяников и по буровым, закончила курсы медсестер. Там и работала: где библиотекарем, где поварихой, где медсестрой. Пока он ее не бросил. Кстати, так и не женился.

– Печально, – сухо проронил Смолев. – Но закономерно.

– Похоже на то. Как Жеглов сказал? «Несчастливая она баба»? Вот это все про нее. Вернулась в Ленинград. Неоднократно трудоустроивалась по основной специальности, в библиотеки. Но странное дело, нигде больше года не смогла задержаться. Трижды уходила сама, по «собственному», дважды – по статье.

– За что именно?

– За пьянку, Саша. Пьянку и прогулы. Женский алкоголизм – штука страшная. Впрочем, я ее понимаю, было от чего запить. Какое-то время работала вахтершей в студенческом общежитии своего ВУЗа, видимо, кто-то из преподавателей по старой памяти решил помочь с трудоустройством. В 90-е годы ушла и оттуда. Перебралась в Москву, торговала на рынках, «челночила». Потом снова вернулась, на этот

раз уже в Санкт-Петербург. Познакомилась с Караваевым, вышла за него замуж. Работала при нем долгое время администратором. Думаю, от пьянства он ее вылечил. Семь лет назад пришла в «Зодиак», где ее муж уже был к тому моменту семейным врачом у директоров. Стала помощницей директора по АХО²⁴. Это официально. А на самом деле отвечала за снабжение секретариата, питание директоров в рабочее время, рулила уборщицами на директорском этаже, выполняла поручения директорских жен. Вот так. Но это пока присказка, не сказка, а сказка, Саша, – впереди!

– Очень интересно, – кивнул Смолев, внимательно слушая друга, – продолжай!

– Пока ты ходил к Литвиновой, кроме файла на Караваеву я успел еще лишь быстро просмотреть досье на директоров «Зодиака», на подробное изучение времени не хватило. Так вот, очень меня заинтересовал один из них.

– Литвинов?

– Нет, Саша, не угадал. С Литвиновым все понятно. Из семьи номенклатурных советских служащих, университет, приличная должность, карьерный рост. Жаден до всего: карьеры, денег, власти, женщин. Абсолютно беспринципен. Как она сказала тогда? «Мерзавец, каких мало»? Очень точная формулировка. Но не суть, о нем потом еще отдельно будет разговор... И Истомин – все, как Караваева и описала: несчастная судьба, потеря семьи, в итоге – как мы знаем –

²⁴ административно-хозяйственным вопросам – прим. автора

трудяга-алкоголик в патовой ситуации с молодой любовницей. И снова не он меня заинтересовал.

– Остается Василенко, – насторожился Смолев. – Но про него мы практически ничего не знаем!

– Вот именно, – постучал по скатерти согнутым указательным пальцем генерал Интерпола. – Ты помнишь реакцию Караваемой на допросе, когда ее спросили про Василенко?

– Она просто ушла от ответа. Помню, сказала две или три ничего не значащие фразы.

– Странно, правда? Особенно, Саша, если учесть, что про всех остальных она разливалась соловьем. Вопрос – почему?

– Что ты хочешь этим сказать?

– В подробном досье на Василенко – вот я тебе сейчас прочту, в справке из личного дела отдела кадров «Зодиака», кстати сказать, эта информация отсутствует – указано, что Василенко Руслан Аркадьевич, 1978 года рождения, получил указанные имя и фамилию при усыновлении Аркадием Анатольевичем и Анастасией Валерьевной Василенко и был зарегистрирован ленинградским «Домом Малютки» под этим именем спустя три месяца после рождения.

Смолева осенило. Генерал смотрел на него с грустной полуулыбкой. Они поняли друг друга без слов.

– Ада Караваемая – его мать? Это точно?

– Точно. Все совпадает. Роддом, даты. Она его мать. Сомнений быть не может. Поэтому на допросе она так скованно себя вела, когда речь зашла о ее сыне. Боялась навре-

дить. Хотя, конечно, мы еще проверим, коллеги из питерского Следственного комитета помогут.

– Вот это да, – Смолев машинально потер занывший висок. – То есть, она все-таки нашла сына. Но знает ли он?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.